

Тамара Крюкова

СМЕШНЫЕ ИСТОРИИ
ЯЧНШТАМД

Т. Ш. Крюкова

Маг на два часа

Глава 1

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Небо будто прохудилось. Целую неделю не переставая шёл дождь. По обочинам дороги разлились широченные лужи. Мрачные, набухшие влагой тучи висели так низко, что почти касались лиловыми боками крыш домов. Капли с разгона шлёпали по лужам, вздувая пузыри. Казалось, дождь никогда не кончится.

Во дворе в такую мокроту делать нечего. Митя сидел на подоконнике и от безделья считал машины, которые изредка, шурша шинами, проносились по улице, сердито обдавая тротуары брызгами. Казалось, дождь смыл с города все краски. Через заплаканные оконные стёкла улица выглядела серой и унылой, и только яркие зонтики редких прохожих вносили в картину некоторое разнообразие. Мите вдруг придумалось, что это вовсе не зонты, а диковинные цветы дождензии, которые распускаются только в дождь, а в сухую погоду закрываются, точь-в-точь, как одуванчики перед ненастьем.

В конце концов Митя не заметил, как его мысли перенеслись в Фант-Азию.

«Хорошо бы там снова оказаться. Вот где наверняка в любую погоду весело», — размышлялся он. Обычно Митя всегда находил себе занятие, но сейчас был тот самый редкий случай, когда ему стало скучно. И не удивительно: всякий затоскует, если приходится сидеть тихо, чтобы не мешать папе. У других ребят папы днём трудились на работе, а вечером дома отдыхали. Мите в этом не повезло. Папа у него был писателем. Он работал утром, днём, вечером, а иногда — даже ночью.

Митя слышал, как он ходит по кабинету из угла в угол. Это означало, что он думает. Наверное, писал папа гораздо быстрее, чем думал, потому что он часто ходил по комнате и размышлял, о чём бы ещё написать. Митя тоже попробовал стать писателем, но у него из этого ничего не получилось. В отличие от папы, ему в голову лезло так много разных мыслей, что как он ни старался, а записывать их не успевал.

«Скорей бы у папы был перерыв, тогда с ним можно хотя бы в шахматы поиграть», — подумал Митя.

И тут шаги в папином кабинете стихли, но вместо привычного стука клавиш клавиатуры компьютера Митя услышал, как папа рвёт бумагу. В надежде, что на сегодня работа закончена, Митя на цыпочках прошёл к кабинету, осторожно приоткрыл дверь и увидел, что папа комкает отпечатанные листы и бросает их в корзину для бумаг.

Почуввав неладное, с кухни пришла мама. Она отстранила Митю и бросилась к папе:

— Что ты делаешь?!

— То, что должен был сделать давно: выбрасываю всю эту чушь до последнего слова.

Папа разорвал несколько листов на мелкие клочки и подбросил их вверх. Бумажные хлопья грустно закружили в воздухе, медленно оседая на пол.

— Да объясни же наконец, что произошло? — остановила его мама и, обняв, отвела подальше от письменного стола.

Папа безвольно опустил в кресло и, подперев голову руками, печально произнёс:

— Ничего особенного. Просто сегодня я наконец прозрел. Я понял, что мой роман никуда не годится.

— А по-моему, книга получается неплохая. Просто ты устал. Отложи её ненадолго и всё увидишь в другом свете, — возразила мама.

— Бесполезно. Я тысячу раз её переделывал и переписывал. Герои — блёклые, бесцветные. Я не знаю, как заставить эту рукопись заиграть, — покачал головой папа.

Митя очень любил своего папу, но вынужден был признать, что в его словах была доля истины. Папины книжки были блёклыми, бесцветными, с мелкими буквами и совсем без картинок. Он очень хотел помочь папе, но не представлял, как рукопись может играть.

«Когда я стану художником, перво-наперво разрисую все папины романы. Пускай будут красочными, чтоб он так не расстраивался», — решил Митя, наблюдая за родителями через приоткрытую дверь.

И тут его осенило: если рукопись и может заиграть, то только в Игрландии! Митя хотел поделиться своим открытием, но тут же понял, что папа всё равно в это не поверит. Вот если бы Игрландия значилась на карте. Это стоило проверить.

Митя побежал в свою комнату, достал из книжного шкафа старенький географический атлас, который достался ему по наследству от папы, и стал листать. Государств было так много, что Митя почти отчаялся найти то, что ищет, как вдруг прочитал: Шотландия.

«Может быть, в карту закралась опечатка и на самом деле это Шутландия?» — засомневался Митя. Он возбуждённо водил пальцем по карте, пока не наткнулся на Ирландию. Сомнений не оставалось, в карту закралась грубая ошибка и никакая это не Ирландия, а самая настоящая Игрландия. Ошеломлённый этим открытием Митя побежал в папин кабинет.

Родители сидели рядышком на диване, и мама, обняв папу, терпеливо успокаивала его:

— Сегодня ты всё видишь в мрачных тонах. Это от переутомления. Нельзя же столько работать. Я знаю, что делать. Надо на время уехать.

— Точно! — подтвердил Митя. — Папа, тебе нужно побывать в Игрландии. Там все-все только и делают, что играют. И твоя рукопись тоже.

— Митя, ты неисправимый выдумщик!

Мама ласково взъерошила его волосы.

— Ничего не выдумщик. Честно-пречестно. Помнишь, я тебе про Шутландию рассказывал? Эти страны даже на карте есть, только тут опечатки. Я их исправил. — Митя с гордостью показал атлас, в котором значились Шутландия и Игрландия.

— К сожалению, туда не попасть, — грустно улыбнулся папа.

— А вот и попасть! — возразил Митя, доставая из шкафа коробку из-под маминых туфель, в

которой хранил свои сокровища. Порывшись, он нашёл три копейки и протянул их папе.

— Это три копейки в переносном смысле, то есть их смысл в том, чтобы переносить всех желающих в волшебную страну, — пояснил Митя.

— С тех пор как деньги поменяли, у нас целый кошелёк лома, на который ничего нельзя купить, — усмехнулась мама.

На первый взгляд в старой, потёртой монетке не было ничего необычного. Не удивительно, что мама не понимала, что её вышедшие из употребления монеты не имеют ничего общего с Митиными тремя копейками.

— Нет, это волшебная монетка. Надо её подбросить и раскружиться, и тогда сами увидите, что увидите! Ну, пожалуйста, тут ведь как раз три копейки на нас троих, — убеждал Митя родителей и вдруг осёкся: — Ой, только не знаю, как мы попадём обратно.

— Значит, путешествие отменяется, — сказала мама.

— Пускай папа отправится туда один. Мне ничуть не жалко.

Конечно, ему было жаль, что сам он больше не побывает в Фант-Азии и не встретится с магистром чародея Авосей. Но ему очень хотелось помочь папе. Впрочем, папа не спешил воспользоваться его щедрым предложением. Он вложил монету назад в Митину ладонь и сказал:

— Думаю, что оставлю подобные путешествия для тебя.

— Да уж, великий путешественник. За три копейки вокруг света, — пошутила мама.

— Вы мне не верите, — вздохнул Митя.

— Верим. А ты на пушечном ядре на Луну не летал? — спросил папа, намекая на барона Мюнхаузена. Конечно, после этого сразу стало ясно, что они совершенно не верят в чудеса.

— Ладно, сочинитель. В Игрландию отправишься как-нибудь в другой раз, а сегодня мы поедem на дачу, — заявила мама.

При этом папа от удивления откинулся на спинку дивана и покачал головой:

— В такую погоду?! Не лучше ли посидеть дома?

— Я лучше знаю, что для тебя лучше, — энергично сказала мама тоном, не терпящим возражений. — Ты никогда не находишь времени для отдыха. Надо же когда-нибудь развеяться. Давно пришло время.

При этом мама озорно подмигнула Мите.

Митю словно жаром обдало. В ушах его зазвучали слова магистра чародея Авоси: «Увидимся, когда ВРЕМЯ ПРИДЁТ».

Митя так долго ждал этого момента — и вот на тебе. Время умудрилось прийти так незаметно, что от этой новости Митя даже растерялся.

— Мама, а откуда ты знаешь, что

Время пришло? — с любопытством спросил он.

— Вижу, — улыбнулась мама.

Вот это да! Значит, мама и правда видит то, чего не видят другие. Сам-то он никакого Времени не видел, и если б не мама, ни за что не заметил бы, что оно пришло. А вчера мама сказала, что видит его насквозь. Тогда Митя ей, конечно, не поверил, но сейчас ему стало любопытно, как именно мама его видит: цветным, как в медицинской книжке про строение человека, или же чёрно-белым скелетом, как на рентгене. Он хотел выяснить это, но мама уже занялась сборами, а Митя побежал сообщить важную новость своему любимому плюшевому львёнку Мефодию, с которым они в прошлый раз путешествовали по Шутландии.

Глава 2

ПРИГЛАШЕНИЕ

Вообще-то Митя давно уже не играл с мягкими игрушками, но плюшевый львёнок Мефодий — совсем другое дело. Когда Митя был маленьким, они с Мефодием были неразлучны. Однажды им довелось вместе пережить много приключений в волшебной стране Шутландии, и теперь Митя считал, что отправиться без львёнка в новое путешествие было бы нечестно.

Мефодий грустный-прегрустный сидел в Митиной комнате на полке с книжками. Любой бы на его месте затосковал, если бы ему пришлось несколько дней кряду разглядывать одну и ту же картинку на обложке. Мите стало стыдно, что в последнее время он совсем забыл о своём друге. Он поцеловал львёнка в плюшевую мордочку и торжественно объявил:

— Знаешь, Мефодий, больше тебе не придётся скучать. Сегодня такое случилось! Время пришло! Мы отправимся в новое путешествие и встретим Авосю. Помнишь, он обещал?

Львёнок молчал. То ли он сильно обиделся, то ли из принципа не желал разговаривать, пока они не попали в Игрландию. Митя решил не настаивать, но посоветоваться всё же не мешало. Он повертел в пальцах три копейки и спросил:

— Как ты думаешь? Лучше отправиться в Игрландию прямо сейчас или подождать, пока мы приедем на дачу? — Мефодий как в рот воды набрал. Митя вздохнул и продолжал рассуждать вслух: — Конечно, время в Фант-Азии течёт не так, как здесь, и его можно растянуть. Но с другой стороны...

«С другой стороны, мама, если что решит, то всё делает, как метеор, и можно не успеть вернуться. Тогда родители меня непременно хватятся и будут лишние неприятности», — подумал Митя. В подтверждение его мыслей в комнату заглянула мама.

— Мы уже едем. Ты собрал игрушки, которые берёшь с собой?

— Я возьму только Мефодия.

— Вот как? — удивилась мама. — Только потом не канючь, что тебе скучно и не с чем играть. Пойдём скорее.

Митя поспешил за мамой. Сидя в машине, он думал, как ему повезло, что он не успел перенестись в Фант-Азию. Родители бы с ума сошли, если бы обнаружили, что он исчез. В конце концов уж если время пришло, то ему ещё обязательно представится возможность отправиться в путешествие. Он был поглощён своими мыслями о том, как они снова встретятся с Авосей, когда папа притормозил машину возле магазина.

— Вот это да! За?мки всех видов и моделей, — удивлённо прочитал Митя вслух надпись в витрине.

— Не за?мки, а замки?, — поправила его мама. — У нас на даче заедает ключ. Надо поменять замок.

— Подождите меня. Я скоро, — сказал папа, вылезая из машины.

— А можно я с тобой? — попросил Митя.

— Там для тебя нет ничего интересного, — возразил папа.

— Возьми его, ради Бога, а то этот непоседа тут извертится, — поддержала Митю мама.

Прихватив Мефодия, Митя, стараясь не шлёпать по лужам, вприпрыжку припустил за папой, но оказалось, что в магазине и впрямь не было ничегошеньки интересного. На полках, стеллажах и в стеклянных витринах лежали всевозможные замки, ключи и штуковины, которые начинают сигналить, если забираются вору. Возле стены, в ожидании, когда их купят и навесят, притулились двери на любой вкус. Пока папа выбирал замок, Митя прошёлся мимо дверного строя, придумывая, какая в каком доме станет жить. Так он дошёл до двери, которая уже нашла своё место в жизни.

В отличие от своих подружек эта дверь не стояла прислонённой к стене, а была, как и полагается, намертво вделана в дверной проём. На ней красовалась медная ручка в виде льва с кольцом в зубах, а наверху был приклеен ценник. Кто-то оторвал его уголок и теперь на бумаге осталась лишь надпись «Замок фигурный. Цена». Митя посмотрел в замочную скважину. Не то чтобы он ожидал там увидеть что-то особенное, просто было любопытно.

— Чего жаглядываешь? Ешли пришёл — жаходи, — вдруг кто-то прошепелявил ему в ухо.

Митя отпрянул от двери и оглянулся. Продавец разговаривал с папой в другом конце торгового зала, да и посетителей поблизости не было. Митя пригляделся к Мефодию, ведь были времена, когда плюшевый лвьёнок разговаривал ничуть не хуже людей, но на этот раз Мефодий молчал. Митя осмотрел льва на двери и, не найдя в нём ничего примечательного, потрогал медную морду. И тут лев недовольно проворчал:

— Я приглашал тебя жаходить, а не хватать меня жа нос, невошпитанный мальчишка.

Митя был так ошарашен, что даже не нашёлся, что ответить. Вместо этого он молча толкнул дверцу, но она оказалась запертой.

— Я бы зашёл, но тут закрыто, — сказал он.

— Понятное дело, жакрыто. Не жадаром же тебя пушкать. Плати жа вход.

— У меня нет денег, — начал было Митя, но, спохватившись, вытащил из кармана три копейки. — Вот! Этого хватит?

— Ш лихвой, — согласился медный лев.

— А как платить? — поинтересовался Митя, подозревая, что вряд ли ему придётся нести монету в кассу.

— Ты что, шовшем тупой? Опущти монету в жамочную шкважину, — приказал лев.

На этот раз Митя не мог не возмутиться. В самом деле, они не разговаривали и пяти минут, а его уже обозвали и невоспитанным, и тупым.

— Вовсе я не тупой. Между прочим, в отличие от некоторых, я умею произносить все буквы, — не удержавшись, съязвил Митя.

— Пошмотрел бы я на тебя, ешли бы ты говорил ш кольцом во рту, — в свою очередь обиделся медный лев.

Мите стало очень стыдно. Должно быть, это ужасная работа: весь день торчать в двери с кольцом во рту.

— Прости, я не хотел тебя обидеть, — извинился Митя.

— Ладно уж, прощаю. Брошай монету и потяни жа кольцо, — посоветовал лев.

Митя просунул в замочную скважину три копейки и, услышав, как они звякнули по ту сторону двери, осторожно потянул за кольцо. Дверца приоткрылась ровно настолько, чтобы Митя мог проскользнуть за неё.

Глава 3

ЗАМОК

К своему удивлению, Митя обнаружил, что очутился на улице. Вернее, даже не на улице, а на свежем воздухе, потому что ров, наполненный водой, вряд ли можно назвать улицей.

Дождь и непогода остались по ту сторону двери. Здесь же ярко светило солнце, и в лазурном небе не было ни облачка. По ту сторону рва возвышался... У Мити захватило дух от удивления и восторга. И не мудрено. Он протёр глаза, чтобы убедиться, что всё это ему не грезится, и в самом деле увидел, что по ту сторону рва стоял настоящий замок с фигурными башенками и зарешёченными окошками. Снаружи замок окружали толстенные зубчатые стены с узкими бойницами.

— Ну и ну! Это же настоящий замок! — воскликнул Митя.

— А что же, по-твоему, ещё должно быть? — вдруг отчётливо проговорил Мефодий.

— Вот здорово! Ты опять заговорил, — обрадовался Митя.

— Что значит «опять заговорил»? Может быть, это ты опять меня услышал, — уточнил Мефодий.

— Какая разница. Главное, мы снова попали в Фант-Азию. Только на этот раз здесь всё совершенно иначе. Интересно, откуда здесь взялся замок? — задумался Митя.

— Ты ведь сам прочитал на магазине «Замки всех видов и моделей», — сказал Мефодий.

— А папа сказал, что там продаются только замки.

— Это потому, что каждый получает от жизни то, что хочет, — глубокомысленно заметил Мефодий.

— Ничего, сейчас я папе докажу, что был прав, — решил Митя и повернулся, чтобы привести сюда папу, но вместо этого так и застыл на месте. Дверцы, через которую они вошли, не было. На её месте торчал покосившийся столб, на котором была прибита дощечка с надписью «Добро пожаловать сюда!». Митя обошёл столб с разных сторон, и тут ему в голову пришла совсем неприятная мысль: с минуты на минуту папа спохватится, что он исчез. Мите стало не по себе.

— Ой-ой-ой, где же дверь? — озадаченно проговорил он.

— Какая дверь? — поинтересовался Мефодий.

— Та, куда я бросил монету, — пояснил Митя.

— Наверное, перекочевала в другое место.

— Как же так! Что теперь делать? — испугался Митя.

— Не знаю. Я всегда говорил, что если бросаться деньгами, то ничего хорошего из этого не выйдет, — назидательно заявил Мефодий.

— А как же ещё, по-твоему, попасть в Фант-Азию! Можно подумать, ты совсем не рад, что мы здесь оказались, — обиделся Митя.

— А можно так и не подумать. Смотря, кому что больше нравится, — спокойно возразил Мефодий и буркнул: — Если ты так рад, что сюда попал, то зачем сразу возвращаться?

Мефодий был прав. Торопиться назад, прежде чем они увидятся с Авосей и хотя бы немножко побродят по здешним местам, было глупо. Но лучше бы точно знать, где выход. Для начала стоило отыскать волшебную монетку, без которой домой всё равно не попасть. Митя опустил на корточки и стал тщательно обшаривать землю в поисках трёх копеек.

В это время Мефодий решал важную проблему: занимаются ли настоящие львы поисками или это делают только собаки? Он ещё не успел найти решение этой трудной задачи, когда Митя обнаружил двухкопеечную монету. В первый момент Митя подумал, что это не его денюжка, но вовремя вспомнил, что с каждым путешествием монета уменьшается. Это вроде платы за проезд. Митя подобрал блестящий кружочек и почувствовал себя намного увереннее. А уж когда он вспомнил, что здешнее время можно растянуть и папа даже не заметит его отсутствия, он и вовсе повеселел.

— А теперь надо выяснить, куда мы попали. Жалко, не у кого спросить, — сказал Митя бодрым голосом путешественника, готового к приключениям.

— А чего тут спрашивать, на столбе предельно ясно написано «Добрро пожаловать сюда», — услышали они.

Митя поднял глаза и увидел на дощечке с надписью сороку. Она сильно смахивала на одну Митину старую знакомую. Нельзя сказать, что о прежней встрече у него остались приятные воспоминания. В прошлый раз сорока стащила у него драгоценный камень, через который, если посмотреть, всё становилось красным. Но с другой стороны, Митя не был уверен, что это та же самая птица, ведь все сороки ужасно похожи друг на друга.

— А мы с тобой раньше не встречались? — осторожно поинтересовался Митя.

— Что?! У тебя ко мне претензии? Может, скажешь, что я у тебя что-то укррала? Вечно мне, самой честной сорроке на свете, приходится терпеть оскорбления, — запричитала Сорока.

— Не сердись, я спросил просто так. Вообще-то я хотел узнать, где именно находится это «сюда»?

— Здесь, — коротко пояснила Сорока.

Такое объяснение мало что проясняло, поэтому Митя спросил:

— А как это «здесь» называется?

— Всё зависит от того, зачем вы сюда прритащились.

Это был очень трудный вопрос. Митя задумался, а потом сказал:

— Просто так, попутешествовать.

— Для путешествия должна быть прричина, а пррросто так только шатаются, — сказала Сорока.

— В прошлый раз мы в Фант-Азии искали чудо, — вставил Мефодий.

— Ну и как, нашли? — поинтересовалась Сорока.

— Нашли. Только мама его всё равно не заметила, — грустно вздохнул Митя.

— Глуп ты, брратец, как я погляжу. В наше врремя чудес не бывает, — со знанием дела заявила Сорока.

— А вот и бывает. Только взрослые их не замечают. Они вообще какие-то странные. Вечно ходят серьёзные и озабоченные. Хотя чего им грустить? Взрослым всегда всё разрешается, не то что детям. У них ведь нет никаких проблем. Говорят «Серые будни», даже когда очень солнечно, — сказал Митя.

— Может, у них проблемы со зрением? — поинтересовалась Сорока.

— Не знаю. Может, и так. Мама говорит, что папа видит всё в мрачном свете, поэтому у него рукопись не может заиграть и он ужасно расстраивается, — пожаловался Митя.

— Это потому, что взрослые сами никогда не играют, — вставил Мефодий.

— Понятно. Значит, ты попал куда надо, — кивнула Сорока и указала клювом на другую сторону таблички.

Митя обошёл столб и прочитал: «Добро пожаловать в Игрландию».

— Здорово! Я как раз сюда и хотел! — обрадовался Митя. — А ты случайно не знаешь, как помочь папиной рукописи заиграть?

— Насчёт ррукопией не скажу, но что бывает игрра слов — это я точно где-то слышала. Походи, может, где и найдёшь, — посоветовала Сорока.

— Спасибо, — поблагодарил её Митя.

— Спасибом сыт не будешь. Попррошу оплатить спрравку, — строго сказала белобокая советчица.

— У меня нет ничего, кроме двух копеек.

— Вот и отдай одну мне, — попросила Сорока.

— Не могу. Тогда мне не попасть домой, — растерялся Митя.

— Чтобы вернуться, тебе хватит и одной копейки, — заявила Сорока.

— Ничего не получится. Монета ведь одна, — объяснил Митя.

— Не врри, сам только что сказал, что у тебя две копейки.

— Копейки две, а монета одна.

В доказательство Митя доверчиво открыл ладонь с денежкой.

Стоило Сороке увидеть блестящий кружочек, как она без лишних раздумий схватила его клювом и полетела прочь. Митя с Мефодием кинулись за воровкой, но та, сделав крутой вираж, взмыла надо рвом. Львёнок едва успел затормозить всеми четырьмя плюшевыми лапками, чтобы не свалиться в воду.

— Всё. Теперь точно нет выхода, — обречённо сказал Митя.

— Ничего, зато есть вход, а это уже немало, — философски заметил Мефодий, указывая на ворота замка.

В этом было зерно истины. Во всяком случае, сидеть без дела и горевать значило попусту тратить драгоценное время. Они зашагали к подъёмному мосту, перекинутому через ров к воротам замка.

Солнце полоскалось в ярких стягах, реявших на шпилях башен, и в солнечных лучах замок казался необычайно красочным, будто с картинки книжки. Митя пригляделся и только теперь с удивлением увидел, что всё: и стены, и башни, и крыши — построено из кубиков «лего».

Глава 4

ДОРОГА ЖЕЛАНИЙ

Мите не терпелось попасть в замок. От радости он скакал то на одной, то на другой ножке. Мефодий изо всех сил старался поспевать за другом, но его коротенькие плюшевые лапки то и дело заплетались, и львёнок кувырчался через голову.

— Ты что, не успеваешь? — заботливо поинтересовался Митя.

— С чего ты взял? Это у меня походка такая, — буркнул львёнок.

— А может, лучше я тебя понесу? — предложил Митя.

— Кому лучше? С каких это пор львов носят на руках? — обиделся Мефодий.

Митя прикусил язык. Ему вовсе не хотелось ссориться по пустякам. А если Мефодий уверен, будто в Фант-Азии игрушечные львы становятся настоящими, то никакой беды в этом нет, тем более львёнок на деле доказал, что он самый настоящий, преданный друг. Пока Митя думал обо всех этих умных вещах, они добрались до подъёмного моста и в растерянности остановились.

Судя по всему, в замке не ждали гостей. Мост был поднят, а другого способа добраться до ворот не существовало. Митя попробовал докричаться до обитателей замка, но напрасно: то ли стены были слишком толстыми, то ли хозяева глухими. Друзья огляделись в надежде, что где-нибудь найдут кнопку звонка, и тут их внимание привлекли две дорожки, очень похожие на садовые. На одной стояла стрелка, указывающая прочь от замка, и было выведено: ТУДА. На другой стрелке значилось: ОБРАТНО, а посередине высился указатель с заманчивой надписью

ДОРОГА ЖЕЛАНИЙ.

Дорожки были усыпаны разноцветным гравием, похожим на мелкие леденцы с красивым названием «монпансье». Митя нагнулся, чтобы рассмотреть их поближе, попробовал один камешек на вкус и убедился, что так оно и было на самом деле: под ногами шуршали карамельки.

— Ну и ну! Леденцовая дорога! — воскликнул Митя.

Не теряя времени даром, он сунул в карман пригоршню конфет и собирался набрать ещё, но передумал. Какой смысл набивать карманы, если под ногами валяется сколько угодно леденцов! Мефодий для важности обнюхал карамельки, но, как и подобает настоящим львам, к ним не притронулся.

— Ну и что мы теперь будем делать? — спросил он.

— Пойдём туда и обратно по дороге желаний. Тем более в замок нас всё равно не пускают. Может, к тому времени, когда мы вернёмся, ворота откроют?

— Туда и обратно каждый может пойти. А интересно, если сразу пойти обратно, то можно ли попасть туда? — задумчиво произнёс львёнок и пылливо уставился на Митю.

Из всех знакомых Мефодия Митя, несомненно, был самым учёным, потому что мог ответить почти на все вопросы на свете, кроме тех, на которые мог ответить только его папа. Однако задачка оказалась непростой даже для очень умного человека, и Митя решил для начала всё проверить на опыте.

Путешественники ступили на тропку с надписью ОБРАТНО, но из этого ничего не получилось. Стрелки незаметно поменялись местами, и друзья вновь оказались на дороге ТУДА. Они снова попробовали поменять дорогу — с тем же результатом.

— Ничего не поделаешь. Чтобы вернуться, надо сначала уйти, — решил Митя.

Они с Мефодием зашагали прочь от замка, но не тут-то было. Дорожка заскользила под ногами в обратную сторону, так что идущие, как ни старались, всё равно оставались на месте. Митя прибавил ходу. Дорожка тоже двинулась быстрее. Тогда Митя побежал. Мефодий изо всех сил перебирал коротенькими лапками, стараясь поспеть за Митей, но сумасшедшая дорожка понеслась с такой скоростью, что он отстал и едва не соскользнул прямо в ров с водой. Хорошо ещё, что Митя вовремя подхватил его за шкуру. Обескураженные путники остановились, и в тот же миг упрямая дорожка застыла на месте.

— По-моему, это самая вредная дорога на свете, — проворчал Мефодий.

— Да уж. Эта Игрландия мне совсем не нравится, — кивнул Митя. — Понастроили замков, в которые не пускают, и дорожек, по которым никуда нельзя пройти. Жалко, что с нами нет Авоси, он наверняка подсказал бы, как укротить эту противную тропу. Вот бы увидеть его хоть одним глазком.

Стоило ему это произнести, как они услышали знакомый голос:

— Стой, кто идёт? Вы кто такие?

Митя огляделся, но Авоси не увидел. К тому же его задел столь холодный приём, и он, не удержавшись, съязвил:

— Будто не знаешь кто. Дед Пихто в кожаном пальто.

— Откуда мне знать какого-то деда Пихто? Нас никто не знакомил, — нахально заявил Авося.

Это было уж слишком. После всех приключений, которые им довелось вместе пережить в Шутландии, Митя совсем не так представлял их новую встречу, поэтому рассердился не на шутку.

— Ты что, совсем с ума сошёл? Хватит прятаться. Это же мы! — воскликнул он.

— Что значит «мы»? — слышалось в ответ.

— Мы — Митя и Мефодий. Ты что, слепой? Выйди и посмотри.

— Вот именно, — серьёзно поддакнул лвьёнок. — Что толку с тобой в прятки играть? Как говорится: легче один раз обидеть, чем сто раз услышать.

— Закройте один глаз, — скомандовал магистр чароделия.

Митя не знал, что у Авоси на уме, но на всякий случай решил не перечить и зажмурил один глаз. Мефодий мучительно размышлял, нужно ли ему последовать Митиному примеру, или тогда получится, будто они закрыли два глаза. Он ещё не успел додумать эту мысль до конца, как вдруг, откуда ни возьмись, появился Авося и, придирчиво оглядев друзей с ног до головы, кивнул:

— Так и есть. Это вы. А говорил «дед Пихто». Я сразу заподозрил, что для деда ты выглядишь чересчур молодо.

— Неужели ты нас не узнал? — удивился Митя.

— Конечно, узнал, но ты заморочил мне голову и совсем сбил с толку, — ничуть не смутился Авося.

— Можно подумать, ты совсем не рад нас видеть, — с укором произнёс Митя.

— Нельзя! Так думать нельзя ни в коем случае! Я всегда говорил, что если слишком много думать, от этого получается сплошная путаница, — возразил Авося.

И тут Митя заметил очень странную вещь, которая его совсем не обрадовала: он не мог открыть один глаз.

— Ой! — крикнул Митя. — Ой-ой-ой! У меня глаз не открывается.

— Ты ведь сам хотел видеть меня одним глазком, — напомнил Авося.

— Ну я же не так хотел, а совсем по-другому.

— Тогда и желать надо было по-другому.

— Я хочу смотреть в оба, — поспешно исправился Митя.

Его желание незамедлительно исполнилось.

— Ну теперь, когда вы наконец-то изволили явиться, можно отправляться в путь, — скомандовал Авося.

— Мы пробовали, но из этого ничего не получается. У этой дороги ужасный характер. Она то и дело убегает назад, и, сколько ни иди, всё равно остаёшься на месте.

— Или чего похуже, — буркнул Мефодий, вспомнив, как едва не свалился в воду.

— Никто и не говорил, что пройти по дороге желаний легко, — заметил Авося. — Она

начинает действовать только после того, как произнесёшь первое желание.

— А потом?

— Потом доставляет в пункт его исполнения.

На словах всё звучало так заманчиво, что лучше не бывает.

— Вот это да! — обрадовался Митя. — Значит, тут можно пожелать что угодно?

— Запросто.

— Даже игрушечную железную дорогу с настоящими паровозиками и станциями?

— Этого я тебе точно не скажу, — пожал плечами Авося. — Но я знаю, что дорожка выполняет только стоящие желания.

— Но железная дорога очень даже стоящая, — заверил Митя. — Она такая стоящая, что мне её всё равно никогда не купят, и просить бесполезно.

Беседуя, друзья потопали по леденцовой тропе. На этот раз та вела себя довольно сносно. Она услужливо стелилась под ногами, позволяя себе разве что изредка петлять, чтобы не было скучно. Скоро дорожка нырнула в берёзовую рощу. Деревья стояли группками и тихонько шелестели, обсуждая прохожих на своём листовом языке. «Интересно, — подумал Митя, — берёзы, дубы и клёны говорят на одном языке или у каждого из них свой? Если так, то для берёз кленовый язык должен быть иностранным».

К сожалению, он не успел довести эти научные размышления до конца, потому что его внимание привлёк шум в кустах. Митя остановился, с любопытством раздвинул ветки и застыл в изумлении. Тропинка сворачивала на поляну, по которой тянулись крошечные рельсы. Они поблёскивали на солнце, и от этого казалось, будто кулижка заткана серебристой паутиной.

— Железная дорога! — изумился Митя.

Мефодия появление новой игрушки вовсе не обрадовало. Хоть он и чувствовал себя настоящим, в нём заговорила ревность, и не без основания. Он знал, что Митя давно мечтал о железной дороге.

— Подумаешь, дорога. Это вовсе не интересно, — поморщился лвьёнок.

Но Митя не разделял его мнения.

— Я обязательно должен на неё посмотреть, — загорелся он.

— Конечно, это ведь твоя дорога. Можешь вообще забрать её с собой, — сказал Авося так, как будто получить железную дорогу было самым обычным делом.

При этом настроение у Мити прямо-таки взмыло вверх, а у Мефодия упало ниже некуда. Львёнок насупившись отошёл в сторону, но Митя был так рад подарку, что даже не заметил этого. Все его мысли были заняты новой железной дорогой, и он побежал к долгожданной игрушке.

Авося пошёл было за ним, но, увидев, что Мефодий совсем понурил голову, вернулся и бодро сказал:

— Что будем делать, пока Митя занят со своей дорогой?

— А разве ты не пойдёшь посмотреть на эту грудку железа? — мрачно спросил Мефодий.

— Вот ещё! Чего я там не видел? Лучше я останусь с тобой.

— Спасибо. Ты настоящий друг, не то что некоторые, которым ни до кого нет дела, — вздохнул Мефодий.

Если бы он мог доказать Мите, что он лучше железной дороги. И тут его осенило: нужно совершить подвиг. Львёнок встрепенулся и обратился к Авосе:

— Как ты считаешь, здесь есть место для подвига?

— Не знаю, — честно признался Авося.

Львёнок огляделся и вдруг увидел именно то, что нужно. По другую сторону тропинки простирались джунгли. На самом деле это были заросли травы, рогоза и мелкокустарника, но для плюшевого львёнка они казались непроходимой чащей.

— Это что, джунгли? — спросил он.

— Можно сказать и так, — неопределённо кивнул Авося, который не знал, что такое джунгли, но хотел угодить другу.

— Решено, — просиял Мефодий. — Отправимся туда.

— Зачем?

— Чтобы совершить подвиг. Джунгли всегда кишмя кишат свирепыми хищниками и кровожадными крокодилами.

Авося подозрительно покосился на кусты. До сих пор ему в голову не приходило, что там могут прятаться лютые звери, но теперь, когда Мефодий ему всё разъяснил, идти туда не хотелось.

— Давай я тебя здесь подожду, — предложил Авося и, чтобы Мефодий не подумал, будто он испугался, добавил: — Чтобы ты не заблудился. Если потеряешь дорогу, кричи «ау!», а я буду отзываться.

Глава 5

СХВАТКА С ХИЩНИКАМИ

Мефодий с решительным видом полез в заросли и тотчас столкнулся нос к носу с неведомым существом. Точнее, существо, которое сидело на былинке, столкнулось с любопытным носом Мефодия и тотчас спряталось в причудливый домик, прилепившийся к травинке.

— Эй! Ты почему прячешься? — спросил львёнок.

Ответа не последовало. Мефодий решил постучаться, но в домике не было ни окон, ни дверей, и он по-простому стукнул по нему лапой. Травинка закачалась. В плюшевом львёнке заговорил дух охотника, и он, точь-в-точь как котёнок, принялся наскакивать на стебелёк и ловить его. Домик болтало из стороны в сторону, и загадочное существо притаилось, пережидая стихийное бедствие. Наконец Мефодию надоело забавляться с травинкой. Он уселся передохнуть, а заодно подумать о том, где искать хищников. Как только стебелёк

прекратил качаться, из домика появились рожки, потом осторожно высунулись голова и хвост и всё сооружение, не обращая на Мефодия ни малейшего внимания, поползло по травинке.

— Эй, ты кто? — решил познакомиться львёнок.

Ответа не последовало.

— Ты что, не слышишь? Или ты невежа? А может, не знаешь, как тебя зовут? — рассердился Мефодий.

На этот раз существо остановилось и, окинув плюшевого льва недовольным взглядом, раздражённо произнесло:

— Ну чего пристал? Улитка я. Не мешай. Видишь, делом занимаюсь.

— Каким? — поинтересовался Мефодий.

— Ползу.

— А куда?

— Вот пристал. Неужели не ясно? К вершине стебля.

Мефодий обнюхал торчащий вверх конец травинки и, не найдя в нём ничего примечательного, спросил:

— Зачем?

— Что значит «зачем»? Должен же быть в жизни высокий смысл, — назидательно произнесла Улитка.

— Какой смысл в том, чтобы доползти до верха стебля? — не унимался Мефодий.

На этот раз терпение Улитки лопнуло.

— Послушай, перестань задавать глупые вопросы, а не то я выйду из себя и тогда... — пригрозила она, не договорив, что же тогда случится, но весьма красноречиво пошевелив рожками.

Некоторое время Мефодий молча наблюдал, как Улитка ползёт к своей цели, а потом любопытство взяло верх, и он решился спросить:

— А что будет тогда?

— Я стану слизняком, вот что будет. А мне этого совсем не хочется. Надеюсь, с вопросами покончено? — сердито отрезала Улитка.

— Нет, у меня есть ещё один, самый-пресамый последний вопрос, — признался Мефодий.

Улитка так сильно завращала рожками, что львёнок даже испугался, что она вот-вот выйдет из себя, но вместо этого она возмущённо воскликнула:

— Просто удивительно, до чего же некоторые любят шататься безо всякой цели да ещё при этом отвлекать других глупыми вопросами!

Мефодий приосанился и важно заявил:

— Совсем даже наоборот. У меня есть, о-го-го, какая цель. Я собираюсь сразиться со

свирепыми хищниками, но не знаю, где их найти.

— Никогда не видела более глупой цели — искать хищников, — фыркнула Улитка. — Конечно, если тебе надоела жизнь, тогда другое дело. Но учти, они тебя слопают и не подавятся. Лично я от них только в раковине и спасаюсь. Да что там говорить, можешь пойти и посмотреть. Обычно днём они греются на солнце вон на том бревне.

Она рожками указала направление и продолжила свой путь, а Мефодий помчался искать хищников.

Опасности подстерегали его на каждом шагу. Неожиданно сучок под его лапой зашевелился. Мефодий испуганно отскочил и увидел змею неведомой породы. Нельзя сказать, что она ему понравилась. Это была вовсе не гигантская змеища, с которой прилично встретиться настоящему льву, а так себе змеишка, длиной с карандаш. Львёнок огляделся, чтобы убедиться, что никто не видел, как позорно он отскочил поначалу и с возмущением ширнул змею плюшевой лапкой.

— Эй, ты, посмотреть надо куда ползёшь!

Змея свернулась в кольцо, и перед носом Мефодия оказался хвост и... ещё один хвост. Львёнок присел от неожиданности, вскочил, обежал змею два раза и окончательно убедился, что у той нет ни одной головы, зато целых два хвоста. Об этом следовало подумать, и Мефодий углубился в размышления. Его обуревали самые разные вопросы. Где змея потеряла голову? Может, поменяла её на второй хвост? Но зачем? И тут его осенило.

Однажды мама читала Мите книжку про питонов, которые всё глотают целиком, не прожёвывая. Сомнений не было: это был питон. Вернее, два голодных питона, проглотивших друг друга, так что от них остались только хвосты. Не мудрено, что они теперь ползают где ни попадя, ведь тому, у кого нет головы, думать решительно нечем. На приятную беседу тоже рассчитывать не приходилось, и Мефодий побежал дальше.

И тут ему улыбнулась удача. Добежав до поваленного дерева, он увидел хищников, про которых говорила Улитка. На бревне лежало и грелось на солнышке целое скопище крокодилов. Мефодий их сразу узнал, потому что видел похожих зверей в Митиной книжке. Правда, было совершенно не понятно, как они могут проглотить человека или корову, потому что каждый из них мог бы уместиться на Митиной ладони, но раз в книжке написано, то так оно и есть.

Распластавшись на бревне, крокодилы как ни в чём не бывало нежились на солнце. Мефодий изловчился и бесстрашно кинулся на кровожадных хищников, но крокодилы сражаться не собирались. Они бросились врассыпную, юркнув под бревно. Львёнок обошёл поваленное дерево со всех сторон, пошурудил под ним лапкой — всё напрасно.

— Ящерок, что ли, ловишь? — услышал он.

На суку сидела галка и, склонив голову набок, наблюдала за попытками Мефодия вытащить ящериц.

— Так это ящеры?! А говорят, что ящеров и динозавров давно нет, — удивился Мефодий.

— Не знаю, как насчёт динозавров. На моей памяти в наших краях таких не бывало. А что до ящерок, то теперь они долго не покажутся. Вон как ты их перепугал.

Мефодий был явно польщён таким замечанием и не мудрено: всякому ясно, что ящеры гораздо страшнее крокодилов. Однако, решив, что скромность украшает героя, Мефодий смущённо произнёс:

— Вообще-то я не такой страшный, как может показаться с первого взгляда. Недавно, например, двух питонов с миром отпустил, хотя мог бы им задать жару.

— Каких таких питонов? Я в нашем лесу всех знаю, а кто такие питоны, слыхом не слыхивала, — прострекотала галка.

— Пойдём покажу, — предложил Мефодий и во весь опор кинулся туда, где встретил существо с двумя хвостами.

— Вот! — гордо показал лвьёнок на торчащий из земли кончик хвоста.

— Какой же это питон? По-нашему, это дождевой червяк, — крикнула галка, слетая вниз, но, к её неудовольствию, хвост уже успел скрыться.

— Червяк?! — переспросил Мефодий и тут, к своему стыду, осознал, что галка права. Положение было трудным. Не мог же он, царь зверей, признаться в своей ошибке перед простой галкой. Но Мефодий не растерялся.

— Это по-вашему, по-дремучему, червяк, а по-научному — питон, — с достоинством сказал он и, пока галка не стала задавать лишних вопросов, гордо удалился из джунглей, решив, что на этот раз ему подвигов хватит.

Глава 6

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Пока Мефодий совершал свои подвиги, Митя заворожённо рассматривал раскинувшийся перед ним ландшафт.

Такую большую железную дорогу Митя видел лишь один раз в жизни, когда они с папой ходили на выставку разных товаров. Но здешняя дорога выглядела даже интереснее. Она была совсем настоящая, только очень маленькая. Пластмассовые деревья заменяли живые кустики одуванчиков, колокольчики и новорождённые ёлочки высотой с ладонь. Здания и вокзалы были выстроены из крошечных кирпичиков, а крыши покрыты красной черепицей, размером не больше рыбьих чешуек. Через ручей, который рядом с игрушечной дорогой казался полноводной рекой, перекинулся мост. Митя присел на корточки, чтобы всё получше рассмотреть и так увлёкся, что забыл обо всём на свете.

Неожиданно раздался пронзительный свисток. Митя обернулся и увидел, что прямо на него, отчаянно сигналив, по рельсам мчится состав. Митя хотел отступить, чтобы не произошло крушения, но, увидев, как из окна паровоза высунулся малюсенький машинист, застыл от удивления. К счастью, паровоз затормозил и, отдуваясь, как после быстрого бега, остановился.

Из кабины тотчас выскочил машинист, а из вагонов высыпали пассажиры. Все шумели, галдели и кричали — хоть уши затыкай. Публика собралась довольно странная. Машинистом оказался красивый жук по имени Бронзовка. В фуражке с медной бляхой он выглядел весьма внушительно. Его форма отливала на солнце то синим, то зелёным перламутром.

Пассажиры представляли собой очень пёструю толпу. Кого тут только не было: бабочки, жуки, тараканы и букашки. Разряженные в пух и прах, они тащили в лапках кто сумку, кто саквояж, а кто и рюкзак. Эта мелюзга просто кишела вокруг, и Митя застыл на месте, чтобы ненароком никого не раздавить.

Между тем насекомые понемногу успокоились, и Митя стал различать, о чём они говорят.

— Интересно, откуда тут взялась эта гора? — озадаченно почесал затылок машинист.

— Понятия не имею. Когда мы здесь проезжали в прошлый раз, ничего такого не наблюдалось, — сказал его помощник Таракан и, сдвинув кепку на затылок, задрал голову, чтобы получше разглядеть неожиданное препятствие.

— Безобразие! Я буду жаловаться! Если у нас просто так, за здорово живёшь, станут возникать горы, то ни о каком порядке не может быть и речи, — возмутился солидный жук по фамилии Майский.

Судя по цилиндру и дипломату, который он сжимал в лапке, жук был очень важным господином. Он достал из жилетного кармана часы и недовольно поглядел на циферблат, чтобы показать, что у него каждая минута на счету и он не намерен тратить время из-за каких-то ненормальных гор.

— А я обожаю перемены. Без них было бы ужасно скучно, — возразила Оса в облегающем платье, которое подчёркивало её тонкую талию, и кокетливо подхватила жука под руку.

— По-моему, наука должна изучить это явление, — заунывным голосом предложил местный учёный Книжный Червь.

Но он не успел приступить к изучению, потому что у Мити затекла нога, и, чтобы размяться, он пошевелился.

— Кошмар! — завопила бабочка со зловещим именем Мёртвая Голова. — Так я и знала, что хорошим это не кончится! Спасайся кто может! Горотрясение!

Все, как по команде, ринулись прочь: кто летел, кто полз, кто бежал. Машинист проворно спрятался в кабине паровоза. Майский жук, забыв про солидность, тяжело поднялся в воздух и, отлетев на безопасное расстояние, приземлился на лист мать-и-мачехи.

— Будьте мужественным, — укоризненно прожужжала Оса, едва поспевая за своим спутником, но жук предпочёл мужеству осторожность.

Увидев, какой поднялся переполох, Митя пожалел, что напугал здешний народец, и старался больше не шевелиться, однако это оказалось не так-то легко. Обнаружилось, что среди пассажиров нашлись смельчаки. Здоровенный слепень подлетел к Митиному носу и с громким жужжанием выбирал место для посадки. Мите не оставалось ничего другого, как отмахнуться от назойливого насекомого. Слепень отлетел и, усевшись на крыше вагона, громко крикнул:

— Эй, вы, все! Не бойтесь! Это вовсе не горотрясение!

Публика недоверчиво повылезала из укрытий и стала потихоньку стекаться назад.

— А что же это такое? Что происходит? — на разные лады спрашивали друг друга жуки, паучки и бабочки.

— Ужас — вот что это такое, — мрачно изрекла Мёртвая Голова, кутаясь в плащ с вышитым на спине черепом.

Её никто не слушал. Все, затаив дыхание, ждали, что скажет Слепень.

— Это не может быть горотрясением, потому что перед нами не гора, — произнёс он в

звнящей тишине и, выдержав паузу, повторил: — Это не гора, а туша.

— Вовсе я не туша. Я очень даже худенький, — не выдержал Митя, да и кто бы на его месте не обиделся, если бы его так обозвали.

— Ой! Она ещё и разговаривает! — забеспокоились в толпе.

— Страсть-то какая! — прошептала Мёртвая Голова.

— Не беспокойтесь, мамаша, сейчас мы с этой тушей разберёмся. Я ей быстро шкуру продырявлю. Как говорится, комар носу не подточит, — пропищал Комар гусарского вида и молодцевато выхватил из ножен шпагу.

— Это не вежливо. Я ведь вам ничего плохого не сделал, — возмутился Митя.

— Смотрите-ка, этот урод заговорил о вежливости, — рассмеялась Оса.

— Ах, я ещё и урод?! Ну погодите! Я прихлопну каждого, кто попробует меня укусить, — пригрозил Митя.

После этих слов поднялся невероятный гвалт.

— Кровожадный злодей! Убийца! Маньяк! — вопили мушки, мошки и жуки.

Митя пытался перекричать их и объяснить, что у него в мыслях не было причинять им беспокойство. Это они первые начали, но за шумом он не мог разобрать даже собственного голоса.

Наконец его услышали, и мало-помалу волнение улеглось. Машинист Бронзовка, подталкиваемый пассажирами, выступил вперёд, откашлялся и произнёс:

— Если ты не злодей, то что здесь делаешь? И зачем явился нам досаждать?

— Я и не думал, что вас встречу. Просто я шёл по дороге желаний и захотел железную дорогу. Вот она и появилась. Так что выходит, она моя, — пояснил Митя.

Его слова привели жуков в замешательство. На мгновение все стихли. Первым в себя пришёл Майский жук.

— Позволь поинтересоваться, что ты намереваешься с ней делать? — спросил он.

— Возьму домой. Конечно, если её можно упаковать.

Машинист Бронзовка, раскинув лапки, загородил собой паровоз, словно собирался защитить его собственной грудью, и растерянно проговорил:

— Как же так?! Ведь это и наша железная дорога.

— Вот именно! — хором подхватили остальные.

— Надо посмотреть, что по этому поводу написано в законе, — назидательно произнёс Книжный Червь.

— Что там смотреть законы! А то вы не знаете, что для людей наши законы не писаны, — сердито воскликнул Слепень.

— По-моему, надо посоветоваться, — предложил Майский жук.

— Это ещё зачем? Мы же не совы, чтобы совещаться, — задиристо пискнул Комар.

— Может, обменяемся мнениями? — скромно вставила Моль.

— Ты в своём ли уме, дорогуша? — презрительно фыркнула красотка Оса. — Глянь на себя со стороны. Смотреть не на что. Неужели я буду меняться с тобой своим мнением? Нашла дурочку!

— И всё-таки для нашего же блага нам надо прийти к какому-нибудь решению, — сказал Бронзовка.

Вся братия сбилась в кучу и начала с жаром спорить. Митя растерялся. Отказываться от железной дороги было жалко, ведь другого такого случая не представится. Но и забрать её, оставив насекомых без транспорта, было нехорошо, потому что, по справедливости, дорога принадлежала не только ему. Пока он решал, как поступить, совещание закончилось. Споры утихли, и Майский жук, откашлявшись, зычным голосом произнёс:

— В процессе обсуждения у нас возникло несколько вопросов. Где ты собираешься разместить железную дорогу?

— В квартире.

Митя приободрился: судя по началу разговора, местные жители не возражали, чтобы он забрал игрушку с собой.

— А кухня у вас там хорошая? — выкрикнули из толпы тараканы в коричневых комбинезонах мастеровых.

— Нормальная, — ответил Митя, недоумевая, при чём здесь кухня.

— А гардероб? — едва слышным голосом поинтересовалась скромница Моль.

— Гардероб как гардероб. Что в нём может быть хорошего? — пожал плечами Митя.

— Как что? Шерстяных вещей-то много? — допытывалась Моль.

— Хватает. Мама вообще синтетику не любит.

— А как насчёт мягкой мебели? Диванов, кресел и тому подобного? — нестройным хором пропищали клопы.

— Диваны и кресла у нас мягкие, — кивнул Митя и добавил: — Только прыгать на них не разрешается.

— А со сладостями как? Варит ли твоя мама джжжемы и варенье? — спросила Оса.

— Ещё бы! Очень вкусные. Она вообще хорошо готовит, — похвалился Митя.

— Что там волынку тянуть! Нам всё подходит! — хором закричали тараканы, мухи, Моль, Оса и вся прочая мелюзга, а когда голоса стихли, машинист Бронзовка подвёл итог:

— Что ж, в таком случае мы согласны переехать к тебе.

— Как?! Все?! — удивился Митя, с сомнением оглядев публику.

— Конечно. Можешь радоваться, — зычно крикнули тараканы, по-военному встав в строй.

Митя был в замешательстве. Он очень сомневался в том, что мама обрадуется, если он

притащит в дом тараканов, не говоря уже о клопах и прочей живности. Но с другой стороны, отнять у насекомых железную дорогу, когда они так любезно согласились делить её, было нечестно. Пока Митя размышлял, на поляну через заросли кустов продрался Авося.

— Что ты тут возишься? Разве ты ещё не упаковал свою дорогу? — удивился он.

— Я вообще не знаю, стоит ли забирать её с собой, — вздохнул Митя.

— Почему? Разве она тебе не нравится?

— Нравится, но вряд ли родители обрадуются, если я притащу её вместе со всеми пассажирами, — признался Митя.

Из зарослей высунулась мордочка Мефодия.

— Значит, ты не променяешь меня на эти железки, даже если они ездят, мигают и гудят? — осторожно поинтересовался он.

— Конечно, нет! Как ты мог такое подумать!

— Я и не думал. Настоящий лев куда лучше. Никакого сравнения, — сказал Мефодий и лизнул Митю в щёку фетровым язычком.

Глава 7

ПОВОРОТ НА МАТЕМАГИЮ

Сначала Митя огорчился, что ему пришлось оставить железную дорогу, но, вспомнив, что они идут не по простой тропинке, а по дороге желаний, сразу утешился. Мало ли чего ещё можно нажелать! Только он собирался выдумать желание позаковыристее, как заметил, что дорожка изменилась далеко не в лучшую сторону. Вместо монпансье теперь под ногами шуршал обыкновенный гравий.

— Ой, а куда же подевались леденцы? — спохватился Митя.

— Это пройденный этап, — махнул рукой Авося.

— Тогда давай вернёмся и набьём карманы, чтобы хватило на всю дорогу, — предложил Митя.

— Ничего не получится. На этой дороге возврата нет. Здесь можно двигаться только вперёд, — возразил Авося.

— Что же ты меня сразу не предупредил? Если бы я знал, я бы взял побольше, — огорчился Митя.

Мефодий не видел большой беды в том, что леденцы превратились в камешки. По правде говоря, он считал, что камешки даже лучше, потому что леденцы имели пренеприятную привычку чуть что становиться липкими. Однако из солидарности с Митей он глубокомысленно изрёк:

— Верно говорится: что имеем, не едим, потерявши, скачем.

— Куда скачем? — уточнил Авося.

— Как куда? Куда надо, — ответил Мефодий, и они с Авосей почему-то оба уставились на Митю.

Митя понятия не имел, куда надо идти. Наверное, если бы папа сам оказался в Игрландии, он бы догадался, где искать игру для рукописи. Но Митя даже не представлял, что такое игра слов. Конечно, можно было пожелать ещё что-нибудь для себя, но исчезновение леденцов так огорчило Митю, что все, даже самые малюсенькие желания, вылетели из головы. И тут он вспомнил, что успел-таки прихватить горсточку монпансье.

«А вдруг они тоже превратились в гальку?» — испугался Митя. Он поспешно сунул руку в карман. К счастью, опасения оказались напрасными: леденцы остались леденцами.

— Я вижу, кое-что всё-таки осталось! — обрадовался Авося и предложил: — Давай их сразу же съедим, чтобы не мучиться.

— Давай, — согласился Митя, который никогда не отказывался от конфет. — Только надо поделить их поровну.

Мефодий искоса глянул на разноцветные конфетки и поспешно отказался от своей порции:

— На меня можете не рассчитывать. От них зубы портятся, а нам, хищникам, зубы надо беречь, — добавил он, чтобы никто не забыл, что он настоящий.

Деление конфет было доверено Мите. Он честно разложил монпансье на две кучки и столкнулся с неожиданной трудностью. Один леденец был лишним — ни туда ни сюда.

Авося, как истинный друг, без колебаний предложил свою помощь:

— Давай я его съем, чтобы у тебя лучше поделилось.

— Нетушки. Лучше я его съем, а то у тебя зубы разболятся, — возразил Митя.

— Ничего, я потерплю, — великодушно согласился Авося, проявляя чудеса самопожертвования.

Мите совсем не хотелось, чтобы Авося терпел. К тому же именно оставшийся леденец почему-то казался самым заманчивым.

— Между прочим, если бы не я, то у нас леденцов совсем бы не было, — заметил Митя, рассчитывая, что у Авоси проснётся совесть.

Однако Авосина совесть молчала, как воды в рот набрала. Вместо того чтобы по справедливости отказаться от конфетки, магистр чародея нахально заявил:

— Если ты такой умный, то взял бы на один больше, а то поделить толком не можешь. Чему только тебя в школе учат.

— Я не виноват, что мы деление ещё не проходили, — обиделся Митя.

— А если его пройти? Может, тогда всё легко поделится? — предположил Авося.

— Может быть, — пожал плечами Митя. — Но ведь просто так его не пройдёшь. Все науки проходят в школе. А тут всё равно нет никого, кто разбирается в математике. Мы только время зря теряем. И всё из-за того, что некоторые не хотят уступить.

— Точно, — подтвердил Авося, и они с Митей многозначительно уставились друг на друга.

И тут сверху донеслось:

— Ку-ку, ку-ку...

Митя задрал голову и увидел на суку Кукушку в аккуратной шляпке с пером и в строгом деловом костюме. На боку у неё висела сумка на длинной ручке. Кукушка ужасно походила на секретаршу из какого-нибудь офиса. Она строго посмотрела на путешественников и начала их отчитывать:

— Это никуда не годится. Вы теряете время. Почему вы не считаете? Разве вы не знаете, покуда я кукую, все считают мои ку-ку?

— А я считаю, что это не обязательно, — возразил Митя.

— Ну, раз ты считаешь, тогда, ку-ку, куда ни шло, — смягчилась Кукушка и добавила: — Главное — во всём сделать точный расчёт.

— Это как раз то, что нам нужно, — обрадовался Митя и пояснил: — Мы хотим очень точно поделить леденцы, но это можно сделать только по-научному, потому что по-простому они не делятся.

— Тут надо, ку-ку, покумекать. Лучше обратиться в Матемагию, тем более что вы всё равно проходите мимо.

— А что такое Матемагия? — спросил Митя.

— Центр точных наук, — объяснила Кукушка и великодушно предложила: — Я вас провожу, ку-ку, куда надо, но прежде я должна на минутку залететь в гнездо.

Митя подумал, что она хочет проведать птенчиков, но Кукушка вытащила из гнезда преогромнейший будильник и, сгибаясь под его тяжестью, спланировала на землю.

— Вот так часищи! — воскликнул Мефодий.

— Ку-ку, куранты. Ходят аккуратно и, главное, точно, — с гордостью похвалилась Кукушка.

Митя знал, что курантами называют башенные часы, но не стал спорить с Кукушкой, ведь Игрландия — другое дело.

— А зачем тащить с собой часы?

— Не докучай вопросами. Как же я без будильника узнаю, когда мне куковать? — резонно заметила Кукушка.

— Он такой огромный. Как же ты его носишь? — удивился Митя.

Кукушка в упор посмотрела на Митю так, чтобы не оставалось никаких сомнений, к кому она обращается, и язвительно произнесла:

— Поясняю для особо тупых. Часы всегда ходят сами. Не спорю, иногда случаются, ку-ку, курьёзы и они стоят. Нет правила без исключения.

— Хотел бы я посмотреть, как эти часы пойдут? — фыркнул Митя.

В тот же миг у будильника появились ножки, он притопнул и бодро зашагал по тропинке. Митя аж рот раскрыл от удивления.

— Ну что, пойдём в Матемагию или будешь ворон считать? — поинтересовалась Кукушка и, не дожидаясь ответа, полетела за будильником.

Митя, Мефодий и Авося, стараясь не отставать, последовали за ней. Ветерок играл с листвою деревьев, вспугивая солнечных зайчиков, и те стайками спрыгивали с веток на дорожку и плясали под ногами. По обочине в траве были разбросаны золотые монетки одуванчиков. Любопытные колокольчики изящно тянули головки кверху, чтобы посмотреть, кто идёт.

В кронах деревьев суетились птицы. Многие обзавелись потомством, и сейчас было самое хлопотное время. Мите было очень любопытно посмотреть на желторотых малышек поближе.

— А я сначала думал, что ты хочешь навестить в гнезде птенчиков, — сказал он Кукушке, чтобы поддержать приятную беседу.

При упоминании о птенцах птица так возмущённо встопорщила перья, что даже шляпка у неё на голове встала дыбом. Взмахнув крыльями, она сердито воскликнула:

— Что?! Ку-ку, куда мне заводить птенцов? Я деловая птица. У меня нет времени на всякие глупости, вроде высидивания яиц. А когда вылупятся птенцы — того пуще! Им то и дело, ку-ку, кушать подавай, куски таскай. И никакой благодарности. Нет уж, эта, ку-ку, кутерьма не для меня. Пустая трата времени.

— Вообще нет. Птенцы такие хорошенькие, — возразил Митя.

— Когда они сидят в чужом гнезде, — заявила Кукушка тоном, не терпящим возражений.

— А мама говорит, что дети в жизни — это самое главное.

— Глупая твоя мама и совсем неделовая! — не на шутку взъерепенилась Кукушка.

Но Митя не собирался давать свою маму в обиду.

— Сама ты глупая. Моя мама — самая деловая. Она, знаешь, сколько дел за день переделывает!

— Раз так, ку-ку, кувыркайтесь сами, — разозлилась Кукушка и вдруг спохватилась: — Куда подевался мой будильник? Ужас! Кошмар! Мои часы убежали. Так и знала, что с такими недотёпами я только потеряю время.

Шустрый будильник в самом деле куда-то исчез. Видимо, ему захотелось прогуляться одному. Бросив друзей на середине дороги, сердитая Кукушка полетела догонять убежавшие часы.

— Ну вот, обиделась, — проговорил Митя. — Странная какая-то. Занимается всякой ерундой, носится за своими часами, а на птенцов времени нет.

Мефодий поглядел Кукушке вслед и задумчиво произнёс:

— Это потому, что не каждый умеет быть мамой. На это нужен талант.

— Верно, — согласился Митя. — А в Матемагию мы можем и без неё пройти.

— Хорошо бы. А то леденцы заплесневеют или растают, прежде чем мы их поделим, — проворчал Авося.

— А по-моему, не стоит городить огород из-за каких-то леденцов, — возразил Мефодий.

— Стоит, ещё как стоит! Теперь это дело принципа, — твёрдо заявил Митя, который ни за что не мог допустить, чтобы леденцы заплесневели. Вдруг он заметил неподалёку плетень. — Ой, что это там?

Друзья подошли поближе и увидели чей-то огород.

Глава 8

СТРАННЫЕ ОГОРОДНИКИ

С первого взгляда было видно, что хозяева огорода любят копаться в земле. Всё выглядело ухоженным, точно на картинке. Грядки, огороженные аккуратными брёвнышками, тянулись ровными рядами. Даже пушистые хвостики морковок торчали из земли, как по линейке. Возле грядок прилежно трудилось заячье семейство. Длинноухие огородники убирали урожай. Два молодых зайца обстоятельно, не торопясь, вытаскивали из земли морковку, а пухленькая зайчиха в переднике прилежно складывала её в корзины. Пожилой заяц с седыми бакенбардами важно прохаживался между грядками и сосредоточенно подсчитывал что-то на калькуляторе, время от времени призывая к порядку маленького шустрого зайчонка, который постоянно путался у него под ногами. Митя в жизни не видел ничего более странного, чем заяц с калькулятором, поэтому, не удержавшись, хихикнул.

— Смех без причины — признак дурачины, — как бы невзначай заметил молодой заяц.

— И смех и грех, сколько развелось зевак, которые только и умеют зубоскалить, — кивнул другой.

— Я бы сказала, смех сквозь слёзы, — покачала головой зайчиха, а в довершение заяц с бакенбардами серьёзно произнёс:

— Смеётся тот, кто смеётся последним.

Все разом посмотрели на Митю, при этом он почувствовал себя не слишком уютно и понял, что должен как-то оправдаться.

— Может же человек смеяться, оттого что у него хорошее настроение, — сказал он.

— Это теперь называется хорошим настроением! Курам на смех! — воскликнула зайчиха.

— Смех да и только! — хором подтвердили молодые зайцы.

— Хватит вам пререкаться. Спрашивай по делу, — нетерпеливо встрял в разговор Авося.

Честно говоря, Митя сам был не прочь переменить тему разговора, поэтому без обиняков начал:

— Мы зашли познакомиться, а заодно по делу, чтобы убить сразу двух зайцев.

При этих словах зайчиха охнула, прикрыв передником мордочку, а оба молодых зайца бросились друг другу в объятия и, задрожав от страха, в один голос осуждающе закричали:

— Убийца!

— Нет-нет, я и не думал вас убивать. Это просто такая поговорка, — поспешно заверил их Митя.

— Отвратительная поговорка! — презрительно фыркнул пожилой заяц.

— По-моему, люди вообще не имеют понятия о хорошем воспитании, — поддакнула зайчиха,

а маленький зайчишка показал Мите язык и скорчил рожу.

Митя мог бы сказать пару слов о его воспитании, но предпочёл промолчать, потому что чувствовал себя виноватым.

— Мы просто хотели узнать, вы случайно не знаете... — начал было он, но не успел договорить, потому что заяц с бакенбардами перебил его на полуслове.

Он важно раздул щёки и, строго посмотрев на Митю, отчеканил:

— Случайно не знаем. Знать надо точно, а случайно не считается.

— А у нас, наоборот, точно не считается. То остаётся один леденец лишний, то одного не хватает, — пожаловался Авося.

Зайчиха сморщила носик и всплеснула лапками.

— Ничего не понятно! Какой-такой леденец?

— И всё-таки лишний он или его не хватает? — подхватил заяц с бакенбардами.

— Это смотря на чей вкус, — вставил Мефодий. — Если вы леденцов не любите, как я, например, тогда они все лишние, а вот Мите с Авосей их не хватает.

Пока взрослые зайцы были заняты разговором, зайчонок под шумок решил самостоятельно заняться сбором урожая. Он потащил морковку за хвостик, но та сидела очень глубоко и вылезать не желала. Зайчонок заработал лапками, подкопал её со всех сторон и потянул снова. На этот раз усердие малыша было вознаграждено. Морковка пробкой вылетела из земли, зайчонок пару раз перекувырнулся и, победоносно размахивая добычей, с радостным криком подбежал к взрослым:

— Ура! Получилось! Смотрите! У меня получилось!

Только теперь Митя обратил внимание на престранный овощ у зайчонка в лапках. Он очень смахивал на морковку, но был совершенно квадратным. Увидев успехи своего малыша, пухленькая зайчиха засветилась от гордости и воскликнула:

— Ай да умница! До чего способный ребёнок!

Все зайцы одобрительно закивали.

— А у вас морковка всегда растёт квадратной? — не удержался от вопроса Митя.

— Какая морковка? — спросил моложавый заяц.

— Которую вы с грядок собираете.

Вместо ответа зайцы прыснули со смеху, а зайчонок расхохотался так заливисто, что от смеха покатился по земле.

— Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Деда, он что, круглый дурак и ничего не понимает? — сказал он, показывая на Митю.

Заяц с седыми бакенбардами насупился и укоризненно погрозил внуку:

— Перестань, так говорить нехорошо.

Не успел Митя проникнуться к старому зайцу уважением за то, что он осадил маленького

нахала, как тот добавил: — Гораздо вежливее сказать, что он невежда в третьей степени.

На этот раз Митя оскорбился не на шутку.

— Почему это я «невежда в третьей степени»?

Пухленькая зайчиха, утирая слёзы смеха кружевным платочком, пролепетала:

— Потому что в третьей — это больше, чем во второй. Какой непонятливый! Хорошо, что у нас детки не такие бестолочи.

— Никакой я не бестолковый! — вконец обиделся Митя.

— И никакой Митя не круглый! — поддержал друга Мефодий.

— И вообще обзывать нехорошо, — добавил Митя.

— Мы не обзываемся, а называем вещи своими именами, — сказал заяц с бакенбардами. — Только невежда не поймёт, что мы извлекаем корни. Справа у нас растут квадратные корни, а слева — кубические. В Матемагии извлечение корней — первое дело. Разве тебе этого не объяснили?

— Нет, — признался Митя.

И тут нахальный зайчонок совсем распоясался. Он принялся строить гримасы и дразниться:

Глупый, как пень.

Мозги набекрень.

Тупого тупее.

Считать не умеет.

— Между прочим, у меня по арифметике пятёрка, и я умею хорошо складывать, — оскорбился Митя.

— Подумаешь, я могу сложить в два счёта: раз, два — и готово, — засмеялся зайчонок и для наглядности шустро сложил квадратные морковки пирамидкой.

— Я тоже умею считать до десяти, — напомнил Мефодий о своих познаниях.

— Эка невидаль. Я считаю до десяти и ещё раз до десяти, — похвалился зайчонок.

И тогда Митя решил выложить свой главный козырь.

— Если ты такой умный, то скажи, сколько будет дважды два? — спросил он с таким видом, как будто знал всю таблицу умножения.

— Три, — выпалил зайчонок.

— А вот и нет! — торжествующе заявил Митя.

— Конечно, дважды два будет семь, — поправил внука дед.

— Ничего подобного, дважды два — четыре. Это — таблица умножения, — уличил его Митя в незнании математики, но заяц распушил бакенбарды и недовольно произнёс:

— Кстати, о таблице уважения. Мал ты ещё меня учить. Тебе бы следовало слушать старших. Это пока ты маленький, для тебя дважды два — четыре, а когда подрастёшь — будет семь. Взрослым всегда всего больше разрешается.

С тем что взрослым разрешается больше, нельзя было не согласиться. К тому же дважды два было единственным, что Митя знал из умножения, поэтому он предпочёл перевести разговор на то, что твёрдо выучил.

— Зато я умею складывать по-настоящему, а не пирамидкой, как малыши, — Митя снисходительно кивнул в сторону зайчонка и для важности добавил: — И отнимать тоже.

— Мама, этот забияка грозитя у нас всё отнять, — всхлипнул зайчонок, дёргая зайчиху за подол юбки.

— Этот номер у него не пройдёт! — строго сказал заяц с бакенбардами.

По его команде молодые зайцы подбежали к пенькам возле плетня, и, как по барабанам, стали громко выстукивать лапами тревогу. Тотчас на зов сбежалась целая орава длинноухих собратьев. Зайцы всё прибывали и прибывали, воинственно обступая непрошенных гостей.

Пожилый заяц обратился к собравшейся толпе:

— Братья, эти пришельцы грозитя у нас всё отнять! Помножим наши ряды!

— Помножим! Не дадим им спуску! — подхватили длинноухие, грозно наступая на Митю с друзьями.

Мефодий тотчас тряхнул гривой в предвкушении великой битвы, зато Авосе такая математика совсем не нравилась.

— Ой-ой! Кажется, мы просчитались, — пробормотал он, пятась от разъярённых зайцев.

Митя тоже был не настроен сражаться. С умножением в Игрландии ему не везло, поэтому он, стараясь перекричать толпу, громко взмолился:

— Пожалуйста, не надо помножать. Мы, наоборот, хотели попросить вас поделить леденцы. Только без остатка.

Для наглядности он достал из кармана монпансье и показал их зайцам. Все смолкли. Пожилый заяц с бакенбардами внимательно осмотрел конфеты и, обнюхав их, недовольно поморщился.

— По-моему, их делить не стоит, тем более без остатка. Можете оставить их себе.

— Мы и не собирались их отдавать, просто мы не можем поделить их пополам, — объяснил Митя.

— Пополам? Так бы сразу и сказали, — смягчился старый заяц и все одобрительно загалдели.

— Значит, вы нам поможете? — с надеждой вставил Авося.

— Конечно, нет. Мы не умеем делить пополам. Вот если бы вам надо было извлечь корень, тогда другое дело. А насчёт деления это не к нам, — помотал головой заяц.

— Идите в школу и обратитесь к тамошней учительнице. Она в этом большой знаток, — посоветовала зайчиха.

Озорной зайчонок высунулся из-за маминой юбки и тоненько захихикал:

— Ну и ну! Как же такие громадины пойдут в школу? Там ведь учатся совсем малыши, даже меньше меня.

— Между прочим, тебе самому не мешало бы поучиться в школе хорошему поведению, — не удержавшись съязвил Митя, а Мефодий приосанился и важно произнёс:

— Львам положено быть огромного роста.

Это заявление так озадачило зайчонка, что он даже не нашёлся, что ответить. Впрочем, друзьям здесь больше делать было нечего. Они попрощались с зайцами и пошли искать школу.

Глава 9

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Школа располагалась в кряжистом старом пне и выглядела очень живописно. Густой мохнатый мох зелёным настилом покрывал крышу. Из него, точно труба, торчал одинокий гриб, под которым дремали ночные сторожа-светлячки. Днём они всегда отдыхали на бархатной подстилке мха, а по ночам без усталости освещали крылечко, чтобы никто ненароком не споткнулся. Под узловатым корневищем, как под навесом, пряталась дверца.

Должно быть, эту школу посещали совсем крошечные ученики. Круглые оконца, которые пробил местный столяр дятел, располагались так низко, что, даже встав на четвереньки, ни Митя, ни Авося не могли в них заглянуть. В школе шёл урок, и из класса доносились писклявые голоса детворы:

Шесть мышат шагают в школу,

Шаловливых и весёлых.

На уроках шесть мышат

Шелестят, шумят, шуршат.

Тише! Кот сюда спешит!

Шмыг — и в школе ни души.

Тут в самом деле раздался визг, писк и шум, потому что как раз в это время Мефодию удалось отворить дверцу и просунуть в неё любопытный нос. Из окошек гроздьями посыпались мышата и, бросившись врассыпную, в одно мгновение попрятались кто куда.

Митя поспешно оттащил львёнка и покачал головой:

— Мефодий, ты же всех перепугал.

— Я не виноват, что нагоняю на всех страх. Львы от природы грозные, — с достоинством сказал Мефодий.

В это время из дверей появилась сухопарая крыса в строгой юбке и кофте и с указкой в лапах.

— Что за безобразие! Кто посмел прервать урок? — недовольно спросила она, но, увидев Мефодия, воскликнула: «Кот!» — и шустро прошмыгнула назад, не забыв захлопнуть за собой дверцу.

— Не бойтесь, Мефодий не кот, а лев. Это совсем не одно и то же, — успокоил крысу Митя.

Длиннохвостая учительница осторожно приоткрыла дверь, высунув в щель нос, подслеповато оглядела друзей и, зыркнув на Мефодия, проворчала:

— Да, это не кот, но всё-таки в нём есть что-то кошачье.

— Ничего удивительного. Ведь львы из семейства кошачьих, — пояснил Митя.

При этих словах крыса вздрогнула и снова юркнула внутрь. Митя поскрёбся в дверь пальцем и попросил:

— Не пугайтесь, пожалуйста. Мефодий не ловит ни крыс, ни мышей, честно-пречестно.

Наконец им удалось уговорить крысу выйти на крыльцо. Она недовольно покосилась на львёнка и буркнула:

— И всё-таки дурная наследственность сказывается. Только кошачье семейство врывается в школу посередине урока.

Видимо, Мефодий, решил не оставлять оскорбление без внимания. Он не мигая уставился на крысу и так подозрительно пригнулся, готовясь к прыжку, что Мите пришлось поспешно подхватить его на руки, пока серая учительница не сбежала вновь.

— Мефодий прервал урок не нарочно. Просто мы не знали, когда у вас будет перемена, — пояснил Митя.

— Вот ещё! Нам не надо никаких перемен. Нам и так хорошо. Мы ничего менять не собираемся, — отрезала крыса.

— Нет, я имел в виду такую перемену, когда закончится урок.

— По вашей милости, он уже закончился. Все разбежались кто куда, — окрысилась крыса.

— Ничего, сейчас вернутся, — успокоил её Авося, но крыса рассердилась ещё больше.

— Как же! — воскликнула она. — Ни за что не вернутся, потому что сегодня у них контрольная. Мы проходим деление.

— Ой, это как раз то, что нам нужно! — обрадовался Митя и на всякий случай поинтересовался: — А вы умеете делить пополам?

— Умею ли я делить пополам? Без лишней скромности могу сказать, что я лучший в мире специалист по делению пополам! Биссектрису знает каждый, — гордо произнесла крыса.

Митя вспомнил, что он в самом деле о ней слышал и бойко отрапортовал:

— Биссектриса — это крыса, которая бегаёт по углам и делит угол пополам.

— Верно, — кивнула крыса и с горечью добавила: — Но что обидно: бегаешь, бегаешь, а своего угла нет. Всё приходится чужие делить. Иногда чувствую себя просто загнанной в угол!

— Эй, а ты только углы делишь или леденцы тоже? — поинтересовался Авося.

— Можно и леденцы, но для начала нужно на них посмотреть и изучить проблему, — заявила Биссектриса.

Митя выложил монпансье на лист лопуха.

— Сколько их тут? — близоруко прищурилась крыса.

— Одиннадцать. Пополам не делится, — вздохнул Митя.

— Глупости. Одиннадцать прекрасно делится пополам, если подойти к делу с умом. Вот поделить тринадцать леденцов или, того пуще, девять, — гораздо труднее, — обнадёжила их специалист по делению.

Она забежала в школу, вытасила оттуда грифельную доску и для наглядности аккуратно вывела мелом цифру 11.

— Нет ничего проще, — сказала она. — Видите, одиннадцать состоит из двух единиц. Один из вас возьмёт первую единицу, а другой — вторую, и от одиннадцати ничего не останется.

Она вручила один леденец Мите, а другой — Авося.

— Нет останется! — воскликнул Авося. — Ещё целых девять штук останется.

Биссектриса немножко подумала и предложила:

— Хорошо, если тебе так больше нравится, можешь отдать ему первую единицу, а вторую взять себе.

Она ловко поменяла леденцы местами.

— Всё равно неправильно. У нас осталось девять лишних леденцов, а вы обещали поделить без остатка, — возразил Митя.

— Ай-ай-ай! И впрямь неправильно, — согласилась крыса и добавила: — У нас не должно быть ничего лишнего. Так и быть, чтобы не было никакого остатка, придётся их съесть.

Не успели друзья и глазом моргнуть, как крыса поспешно засунула в рот все девять леденцов и, раздув щёки, точно хомяк, аппетитно захрустела. Митя и Авося посмотрели на крошечные конфетки, сиротливо лежащие у них на ладонях и, не дожидаясь, пока крыса продолжит деление, поспешили их съесть.

— Не нравится мне такое деление, — мрачно проворчал Авося.

— А ещё хвалилась, что делит пополам лучше всех, — вздохнул Митя.

— Ишь, какие привередливые! На вас не угодишь. Сами просили поделить без остатка. Вот я ничего и не оставила, — заявила крыса, вытирая лапками липкую мордочку.

— Мы не так просили. И вообще так делить нечестно, — возразил Митя.

— Вот как? Мы это ещё посмотрим. Давайте голосовать! — предложила Биссектриса и, не дожидаясь согласия, спросила: — Кто за то, что я поделила справедливо?

Она задрала кверху лапку, но, как и следовало ожидать, её примеру никто не последовал.

— Вот видите. Все против, кроме одного. Значит, одобрено единогласно, — нахально заявила специалист по делению.

— Как это единогласно?! — возмутился Митя.

— Неужели не понятно? Единым, то есть одним голосом, — объяснила серая мошенница и скрылась в школе, шумно хлопнув дверью.

Настроение у Мити и Авоси окончательно испортилось, но Мефодий вдруг сказал:

— А я даже рад, что мы наконец избавились от этих леденцов, потому что они мешали нам искать самое главное.

И тут Митя вспомнил, что он хотел отыскать в Игрландии средство, которое помогло бы папиной рукописи заиграть. И ему стало стыдно, что он потерял столько времени на какие-то леденцы. А ещё он испугался, что волшебное время скоро кончится и он так и не успеет принести домой ничего стоящего.

— Ну вот, ничего у нас не получается. Только всё теряем. Сначала волшебные две копейки, потом время. Теперь если папа обо мне спохватится, то и назад не попадёшь.

— Это точно. Обратного пути нет, — согласился Авося.

Митя глянул назад и охнул. Дороги, по которой они только что пришли, и в самом деле не было. Она исчезла, а на месте тропинки стояла непролазная чаща.

— Ну и ну! Должен же быть какой-нибудь выход! — в отчаянии сказал Митя.

— Выход всегда есть, даже когда кажется, что его нет, — согласился Авося.

И тут Митя увидел удивительную вещь. Между двух деревьев зачем-то висела массивная дверь, обитая дерматином, на которой было выведено: «Выход».

— Ура! Выход найден! — обрадовался Митя, но, как оказалось, преждевременно.

Глава 10

БУКВОЕД

Дверь оказалась запертой. Друзья обошли её кругом и убедились, что обратная сторона двери как две капли воды похожа на лицевую и на ней также значится надпись «Выход».

— Интересно, зачем она вообще тут висит, когда можно вокруг обойти? — недоумевал Митя.

Он подёргал за дверную ручку, потолкал дверь и даже заглянул в замочную скважину — всё напрасно.

— Какой-то бестолковый выход. Через него нельзя даже зайти, — проворчал Мефодий.

— Кто же заходит через выход? Для этого из него нужно сделать «Вход», — резонно заметил Авося.

— Разве это возможно? — удивился Митя.

— Конечно.

Авося замалевал букву «ы». Теперь надпись гласила: «Вход». Из-за двери неожиданно донеслось:

— Кто там?

— Где именно? — ошарашенно спросил Авося.

— Уточняю. За дверью.

— Ты. Но тебе лучше знать, кто ты такой! — сказал Авося.

Митя заглянул за дверь и с удивлением прошептал:

— Там никого нет.

— Не ври. Если там никого нет, с кем же тогда я разговариваю? — раздражённо проговорил незнакомец-невидимка.

— Эй, хватит прятаться. Выходи! — скомандовал Авося.

— Уточняю. Через вход не выходят. Будет правильнее, если вы войдёте, — заявили из-за двери.

Митя осторожно потянул за дверную ручку. На этот раз дверь с лёгкостью открылась, и Митя сделал очередное открытие: оказывается, войти через дверь — это совсем не то, что ходить вокруг да около.

Перед изумлёнными взглядами друзей предстала не известно откуда взявшаяся речка. Возле неё стоял дорожный указатель:

р. ГРАМОТЕЙКА

Речушка извивалась серебристой лентой. Лёгкий ветерок ерошил воду, и от этого она шла мелкой рябью, похожей на рыбы чешуйки. На другой берег был перекинут престранный мостик. Он был сделан не из брёвен, не из досок и даже не из камней, а из букв.

Мите никогда не приходилось видеть более необычного строительного материала. Приглядевшись, он заметил, что буквы, цепляясь друг за друга, образовывали слова. Правда, некоторых букв не хватало, и от этого мостик покосился и выглядел довольно шатким.

Возле моста подбоченившись стоял бобёр в квадратной чёрной шапочке с кисточкой, точь-в-точь какие носят магистры разных наук. Он смерил вошедших оценивающим взглядом и покачал головой:

— Втроём вы могли бы соображать быстрее. Если бы я вам не подсказал, так и топтались бы на пороге.

Прежде Митя думал, что все бобры строители, поэтому шапочка учёного на новом знакомом его очень озадачила.

— А ты кто? — поинтересовался он.

— Учись выражать свою мысль точнее. Ты хочешь знать моё имя или кем я работаю?

— И то, и другое.

— Отвечаю по порядку. Во-первых, меня зовут Буквоед. А во-вторых, я служу смотрителем моста. Кто-то ведь должен следить за его состоянием, — пояснил Буквоед.

Митя покосился на ветхий, скособоченный мостик и подумал, что смотритель не слишком рьяно выполняет свои обязанности, но из вежливости решил оставить эту мысль при себе, а вслух сказал:

— Значит, у вас тут пост?

Буквоед помотал головой:

— Уточняю. У меня не пост. К чему поститься, когда вокруг столько искушений? Взять хотя бы эту аппетитную «сосиску».

Он указал на витиеватые перила мостика. От множества букв у Мити запестрело в глазах, но, приглядевшись, он обнаружил среди множества слов то, которое назвал учёный бобёр. И тут случилось нечто совершенно неожиданное. Смотритель моста стал одну за другой откусывать буквы и аппетитно хрпать ими, будто сухариками.

Мефодий, как истинный исследователь, решил посмотреть, из чего же сделан мостик. Потеряв бдительность, он встал на задние лапки, а передними опёрся на перила. В тот самый момент, когда от слова «сосиска» осталось только «сос», перила, будто повинувшись сигналу бедствия, с треском подломились, мостик трянуло, и Мефодий полетел в реку.

— Ой-ой-ой! Спасите! Помогите! — закричал он.

Митя подхватил львёнка как раз вовремя, пока он не успел погрузиться в воду с головой.

— Бедный Мефодий. Кажется, ты не слишком промок, — сказал он, услужливо отжимая львёнку плюшевые лапки.

Мефодий не любил вспоминать, как однажды он мылся, потому что после этого Митина мама повесила его прищепками за уши на бельевую верёвку и этим сильно унизила его достоинство. Но сегодняшнее купание ему понравилось ничуть не больше первого. Он отряхнулся и возмущённо проговорил:

— Брр! Я всегда знал, что вода мокрая, но не на столько же!

— Не смотритель, а ломатель какой-то, — поддакнул Авося, с осуждением глянув на Буквоеда.

— Честное слово, если так пойдёт дальше, то этот мост вот-вот развалится, — добавил Митя.

Буквоед без тени смущения возразил:

— Теперь уж точно не развалится. По крайней мере некоторое время он будет держаться на твоём честном слове. Оно пришлось как раз кстати.

— Что же это за мост, который держится на честном слове! — покачал головой Митя.

— Если жевать всё, без разбора, никакое честное слово не поможет, — угрюмо проворчал Мефодий.

Укор попал в точку. Буквоед напыжился и обиженно проговорил:

— Уточняю. В еде я очень разборчив. Во-первых, я предпочитаю не трогать твёрдый знак.

— Почему?

— Он слишком твёрдый, даже для меня. Помню, как-то попробовал — чуть зубы не сломал, — пожаловался смотритель. — А во-вторых, я объедаю не все буквы, а только лишние. А это умеет делать далеко не каждый.

— А с чего ты решил, что они лишние? — усмехнулся Митя.

— Уточняю. Иногда, если убрать несколько букв, можно получить новое слово. Да что там говорить, вы же сами из «выхода» сделали «вход». Это ужасно занимательная игра со словами!

Услышав про игру со словами, Митя оживился. Ведь это именно то, что нужно для папы. Сорока тоже упоминала про игру слов. Кажется, поиски пошли по правильному пути.

— Я бы тоже хотел научиться играть со словами, — сказал Митя.

— Это можно. Главное, выбрать подходящее слово. Иногда происходят такие превращения, прямо как в сказке. Вот, к примеру, если у слова «победа» отъест «по», то может случиться...

— Нет, не надо! — остановил Буквоеда Митя.

Он уже видел, что получилось, когда от «сосиски» остался сигнал бедствия, и совсем не желал, чтобы сейчас случилась беда.

— Если произойдёт беда, то мост может совсем обвалиться, — предостерёг Митя горе-смотрителя.

— Ну и что? Зато вместо моста появится плотина, — бодро заявил бобёр.

— Но ведь тогда никто не сможет попасть на тот берег, — сказал Митя.

— Об этом я не подумал, — виновато заморгал Буквоед и добавил: — Это ещё раз доказывает, что играть со словами надо очень осторожно.

Впрочем, в твоём возрасте тебя наверняка больше интересуют другие игры.

— А вот и нет. Мне как раз нужно, чтобы рукопись заиграла, — заявил Митя.

— Ты писатель? — удивился смотритель моста.

— Пока ещё нет, — признался Митя. — Я стану писателем, когда вырасту. А сейчас это надо для папы.

Буквоед ободряюще улыбнулся:

— В таком случае тебе лучше перебраться через мост в Орфоигранию. Там ты обязательно отыщешь что-нибудь подходящее.

Это звучало заманчиво, но, когда Митя потрогал носком ботинка ближайшую перекладину моста, она так опасно прогнулась и заскрипела, что он понял, что переправиться на другой берег нелегко. Мост грозил рухнуть при первой же попытке по нему пройти.

— А нет другого способа перебраться через реку? — поинтересовался Митя.

— Уточняю. Можно перебраться вплавь. Но при этом лично я не могу поручиться, что вы попадёте куда надо, — развёл лапами учёный бобёр.

Услышав про плавание, Мефодий востепенно и с жаром запротестовал:

— Нет уж, вплавь никто не попадёт туда, куда надо. Вон Колумб, на что был специалист, и то поплыл в Индию, а попал в Америку.

— Если не хотите вплавь, тогда надо чинить мост, — предложил Буквоед и, зыркнув на Митю, язвительно добавил: — На одном твоём честном слове он долго не продержится.

— Но как же его починить? — растерялся Митя.

— Играючи, как же ещё! Из Матемагии в Орфоигранию мост лучше всего вымостить словами, в которых буквы играют с цифрами.

«Хорошенькое дело — вымостить словами. Но откуда их взять?» — подумал Митя, у которого от всех этих загадок голова шла кругом.

Авося от долгих умных разговоров немножко заскучал и, решив, что для разнообразия не мешает поспорить, выпалил:

— Спорим, буквы не могут играть с цифрами!

— Ещё как могут! Они вместе составляют разные слова. Есть даже такие, в которых по сто согласных букв, — возразил Буквоед.

— Таких слов не бывает, — вступил в спор Митя.

— А вот и бывает, — горячился смотритель.

Перепалка получалась что надо.

— Нетушки, нетушки! — заплясал на одной ноге Авося. — Никакие согласные не согласны стоять в такой теснотище.

В это время Мефодий, который до сих пор хранил гордое молчание, решил вставить своё слово в науку.

— А я знаю одно такое слово, — спокойно сказал он.

— Какое? — хором спросили Митя и Авося.

— Ррррррр, — зарычал Мефодий, а потом добавил: — Это очень длинное львиное слово. В нём ровно сто «р» — не больше и не меньше.

— Почему сто? — озадаченно спросил Авося.

— Потому что львы говорят это слово, когда они очень сердиты, а ста «р» как раз хватает, чтобы опять прийти в хорошее расположение духа, — пояснил львёнок, крайне довольный тем, что нашёл загадочное слово.

Митя не мог сдержать улыбки. Конечно, Мефодий был самым умным плюшевым львёнком на свете, но часто он говорил ужасно забавные вещи. Митя ласково потрепал своего любимца по косматой гриве.

— Знаешь, может быть, львиные слова и бывают из ста букв, но человеческих уж точно не бывает. Где это видано, чтобы в слове было сто... Стоп! — вдруг закричал Митя.

— Что это с тобой? Мы вроде никуда не спешим, — недоумённо пожал плечами Авося.

— Да нет! Стоп — это сто «п», — пояснил Митя.

— Ну и какая польза от стопа? — переспросил Авося, но его вопрос остался без ответа, потому что Буквоед вдруг широко улыбнулся и, хлопнув Митю по плечу, одобрительно воскликнул:

— А ты молодец! В этом что-то есть!

— Много? — поинтересовался Авося.

— Чего? — не понял Буквоед.

— Ну того, что есть?

— Пока не знаю точно, но, возможно, хватит, чтобы вам перебраться на тот берег. Правда, одного «стопа» явно маловато.

Он указал на мостик. К своему удивлению, Митя увидел, что там, где прежде вместо перекладины зияла дыра, аккуратно лежало слово «стоп». Это вселяло надежду. Значит, мост можно и вправду починить. Митя с энтузиазмом принялся составлять слова:

— Когда стонут — это сто «н», стог сена — это сто «г», сток для воды — это сто «к».

С каждым произнесённым словом мостик, как по мановению волшебной палочки, всё больше выправлялся. Нельзя сказать, что он выглядел достаточно надёжным, но всё же стоило рискнуть по нему пройти.

— Стол находок — это сто «л», — продолжал Митя, и тут его осенило: — Ой, он-то нам и нужен.

— И что мы с ним будем делать? — настороженно спросил Авося.

— Он поможет нам найти две копейки. Мама говорит, там находятся все потерянные вещи. Как ты думаешь, в Орфоигрании есть стол находок? — обратился Митя к бобру.

— Ты ещё спрашиваешь! Там есть всё, стоит только пожелать!

Услышав это, Митя ещё больше захотел перебраться через речку Грамотейку в таинственную Орфоигранию. К этому времени мостик выглядел довольно сносно.

— Нам пора, — сказал Митя.

— Подождите. За то, что вы починили мост, я хочу вам кое-что подарить на дорожку, — сказал Буквоед и нырнул под мост, где у него была хатка.

Не прошло и минуты, как он вынырнул и вручил Мите коробочку с двумя отделениями. В одном лежала буква «И», а в другое была насыпана горсть риса.

— Попробуй. Это очень вкусно, — сказал он.

Митя с сомнением посмотрел на угощение и робко произнёс:

— Вообще-то я сырой рис не ем.

— А кто тебе предлагает рис? Всё надо перемешать и есть вместе. Какой непонятливый, — покачал головой бобёр.

По правде говоря, Митя не слишком надеялся, что такая мешанина станет вкуснее, но, чтобы не обижать Буквоеда, вытащил перегородку. Как только «И» и «РИС» соединились, они тотчас превратились в замечательный молочный ирис.

Друзья поблагодарили бобра за угощение и отправились на другой берег. На этот раз Мефодий не возражал, чтобы Митя нёс его на руках. Львёнку не слишком понравилось первое знакомство с мостиком, и он не горел желанием пройти по нему в другой раз.

Глава 11

ЧАСТНЫЙ СЫСК

Скоро, к великой радости друзей, они миновали ненадёжную переправу. Ступив на твёрдую почву, они решили, что главная опасность осталась позади.

Вся троица бодро зашагала по дорожке, и тут они увидели указатель, на котором значилось:

СТОЛ и К°

ЧАСТНЫЙ СЫСК

все виды розыска с гарантией

— Кажется, мы на верном пути, — бодро сказал Митя.

Через несколько шагов они увидели пальму в кадке. Посреди леса она выглядела более чем странно. Рядом лежал коврик, вроде тех, что кладут у порога, на котором было написано: «Вытирайте ноги».

— Ну уж это вовсе нелепо! — удивился Митя и просто так, ради смеха, вытер ноги. Стоило ему это сделать, как коврик поехал куда-то вниз. Увидев, что Митя опускается под землю, Авося с Мефодием тоже заскочили на коврик, и как раз вовремя.

Скоро необычный лифт остановился перед входной дверью со звонком. Авося решительно нажал на кнопку. За дверью раздались шаги. Кто-то долго изучал пришедших в глазок, а потом заговорщическим шёпотом спросил:

— Это вы?

— Мы, — прошептал в ответ Митя.

В замке щёлкнул ключ, и стукнула отодвигаемая щеколда. Дверь слегка приоткрылась. В щель просунулась вытянутая собачья морда в клетчатом кепи.

— С вами нет хвоста? — поинтересовался пёс, с подозрением прищурившись.

— Нет, — помотал головой Митя, совершенно сбитый с толку.

— Ваай-дите, — с подвыванием гавкнул пёс, а когда друзья вошли, дружески протянул лапу и полужёпотом представился: — Д'Оберман, но об этом никому. Будьте бдительны.

К этому времени Авосина бдительность возросла так сильно, что от звука закрывающейся двери он подскочил как ужаленный. При этом то ли потолок был слишком низким, то ли Авосина макушка оказалась на высоте, но их столкновение получилось довольно ощутимым. Не успел Авося возмутиться, как д'Оберман неожиданно громко залаял:

— Ррэкс, Барбос, сюда! Беррите этих обманщиков живьём!

Откуда ни возьмись, выскочил громила бульдог. Расставив кривые лапы, он тупо уставился на пришедших и глухо зарычал. Друзья невольно отступили. С другой стороны дорогу им тут же преградил огромный всклокоченный сенбернар. Он дружелюбно вильнул хвостом, но под взглядами своих сотоварищей застыл на месте и постарался придать своей добродушной морде суровое выражение.

— Из-за чего вы на нас разозлились? Мы не сделали ничего плохого, — как можно вежливее сказал Митя, обращаясь к сенбернару, в котором видел союзника.

Барбос зыркнул на поджарого д'Обермана и смущённо потупился, показывая, что он здесь не за главного. Д'Оберман пристально посмотрел Мите в глаза и недовольно процедил сквозь зубы:

— Ловко вы нас прровели. Прризнавайтесь, что замышляете?

— Ничего, — помотал головой Митя.

— Ты сам нас сюда провёл, а мы никого никуда не проводили, — подхватил Авося.

— Я прро ваш обман, — злобно оскалился д'Оберман.

— Про какой «обман»?

— Вы сказали, что с вами нет хвоста. А это что? — язвительно произнёс пёс и указал на безобидный хвост с пушистой кисточкой, принадлежащий Мефодию.

— Но это же не такой хвост, который приводят за собой шпионы! — воскликнул Митя.

— Так вы к тому же шпионы?! — рявкнул пёс.

— Вовсе нет. Я хотел сказать, что с этим хвостом Мефодий не разлучен. Они всегда ходят вместе, — уточнил Митя и для убедительности добавил: — У всех нормальных собак ведь тоже есть хвосты.

Едва слова сорвались с его губ, как он понял, что говорить так не стоило. У бульдога от удивления брови поползли вверх, а глаза стали круглыми, как плошки. Д'Оберман, напротив, зло сощурился. Оскорблённые псы воинственно встопорщили обрубки былых хвостов и двинулись на Митю явно не для того, чтобы лизнуть его в щёку. Митя поспешно отступил к сенбернару. Барбос украдкой вильнул хвостом, как бы извиняясь, что он здесь ничего не решает. И тут на помощь пришёл Авося.

— Какая разница с хвостом или без хвоста? Всё зависит от того, кому что нравится, — сказал он.

— На хвост и цвет товарищей нет, как говорится, — серьёзно добавил Мефодий, а Митя подхватил:

— Точно. Без хвоста тоже стильно. Даже очень.

Д'Оберман оценивающе покосился на то место, где у него когда-то в раннем детстве был хвост, и с гордостью сказал:

— Пожалуй, ты прав. В этом есть стиль, — а потом обратился к бульдому: — Рэкс, остынь. Эти парни не такие пррохвосты, как показались вначале.

Бульдог на мгновение задумался, а потом отступил, с прежним тупым безразличием уставившись на гостей. Д'Оберман кивнул в его сторону и, оскалившись в улыбке, отрапортовал:

— Рэкс — прирождённый боксёр. Его мясом не корми, дай ввязаться в драку. Но вообще-то он добрый, когда не кусается. Они с Барбосом тут служат в охране.

— А ты? — спросил Митя.

— Я — ищейка высшего класса. Если надо что-то найти или вынюхать, то это ко мне. Вы ведь сюда притащились именно за этим? — он многозначительно подмигнул.

— Да. Но мы думали, что тут есть стол находок.

— Шеф у себя, но вам придётся подождать, — сказал пёс.

— Шеф? Он что, тоже собака? — удивился Митя.

— Парень, ты в своём уме? Как же он может быть собакой? Стол, он и есть стол. Мы — его ноги, глаза и уши. Наше дело — искать, а он хранит то, что мы находим. Кстати, пока всё равно ждёте, не хотите поиграть в кости? — предложил четвероногий сыщик.

Митя покосился на груды обглоданных костей, которые горкой валялись в углу, и отказался. Но д'Оберман решил до конца играть роль гостеприимного хозяина.

— А может, журнальчик полистаете? «Собачья чушь». У меня есть последний номер с фотографиями победительниц конкурсов собачьей красоты. Среди них встречаются милые мордашки.

— Спасибо, но сейчас у нас нет времени. Ты не знаешь, скоро ли освободится стол... в общем ваш шеф? — поинтересовался Митя.

Услышав вопрос, пёс неожиданно насторожился и подозрительно уставился на Митю.

— Что ты всё вынюхиваешь? Всё с вопросами лезешь?

Учув смену настроения начальника, боксёр напрягся.

— Я просто так спросил, — быстро ретировался Митя.

— Выкладывай начистоту, зачем явились? — рявкнул д'Оберман.

Митя и не думал ничего скрывать.

— Нам надо найти две копейки, — сказал он.

— Я так и знал, что тут замешаны деньги! — покачал головой д'Оберман.

— Без них мы не можем вернуться домой, — вздохнул Митя.

— Понятное дело, кто же вам позволит прокатиться на дармовщинку, — съязвил пёс.

— Знаешь что, хватит насмеяться. Мы пришли к Столу Находок, а по твоей вине только время зря теряем, — не выдержал Митя.

При этих словах д'Оберман аж подпрыгнул:

— Невероятно! Неужели по моей вине? И много вы его тут потеряли?

— Порядочно, — проворчал Авося.

Д'Оберман призадумался. Чтобы скрыть свою растерянность, он почесал задней лапой за ухом и заискивающе сказал:

— Я отыщу ваше потерянное время, обещаю. Недаром я ищейка высший класс. Только вы шефу ни слова про мою вину, лады?

— Ладно уж, — согласился Митя.

— Что ж, тогда проходите, — рявкнул пёс, распахнув перед друзьями дверь с табличкой

СТОЛ НАХОДОК.

Глава 12

СТОЛ НАХОДОК

Митя, Авося и Мефодий вошли в кабинет, посреди которого стоял огромный письменный стол, точь-в-точь такой, как у папы. Только на папином столе обычно лежали стопки бумаги, дискеты, блокноты, а этот был завален всякой всячиной, начиная от игрушек и карандашей и кончая винтиками, шпунтиками, отвёртками и расчёсками.

— Неужели люди так много всего теряют? Как же в этой горе вещей отыскать то, что нужно?
— с сомнением покачал головой Митя.

— Я вам помогу, — сказал чей-то скрипучий голос.

Друзья огляделись. В кабинете, кроме них, не было ни души.

— Кто здесь? — спросил Митя озираясь.

— Стол Находок к вашим услугам, — церемонно раскланялся Стол, шаркнув коротенькими деревянными ножками, и хвастливо заявил: — Не вы первые пришли ко мне в поисках утраченного. Не скрою, я поразительно находчив и могу найти даже то, что не под силу никому другому. Итак, чем могу быть полезен?

— Мне нужно найти... — начал Митя, но Стол перебил его:

— Погодите, юноша. Я угадаю сам. Вы задумали жениться и хотите найти воспитанную принцессу из приличного королевства.

— Нет-нет, — поспешно отказался Митя. Только принцессы ему не хватало к прочим неприятностям.

— Что ж, если вы убеждённый холостяк, значит, желаете найти клад. В наше время все прямо помешались на кладах и зарытых сокровищах.

— Клад мы уже один раз находили, — сказал Авося, вспомнив, как во время путешествия по Шутландии они нашли в подземелье настоящий клад.

— Второй клад нам ни к чему, — подхватил Митя. — Нам нужно...

И на этот раз Стол не дал ему высказаться.

— Ни слова больше! Мои методы позволяют мне лучше вашего знать ваши намерения, — воскликнул он и торжественно провозгласил: — Всё ясно! Вы, молодой человек, хотите найти своё место в жизни. У меня как раз одно заваялось, правда, не Бог весть какое, но для начала сойдёт.

Стол Находок бочком придвинул к Мите старый, скрипучий стул со сломанной ножкой, на котором было мелом выведено: «Место в жизни».

— Нет, мне вовсе не нужно такое место в жизни, — решительно помотал головой Митя.

— Тем более что место в жизни у нас уже есть. Трёхкомнатное, с видом на парк, — вставил Мефодий.

На этот раз Стол Находок был явно озадачен. Он помолчал, недовольно поскрипел и заявил:

— Ничего не понимаю. Что ни предложи — вам не нужно. Зачем вы тогда, вообще, ко мне пожаловали?

— Я потерял две копейки, а без них не могу вернуться домой, — объяснил Митя.

— Так бы сразу и сказал, а то морочит мне голову: то ему принцессу подавай, то клад, — проворчал Стол. — Твои потерянные вещи находятся в правом верхнем ящике. Наверняка и две копейки там же.

Верхний ящик стола услужливо выдвинулся. Митя, Авося и Мефодий стали рыться в куче лежащих там вещей.

Митя очень обрадовался, увидев зелёного бегемотика с отломанной лапкой, которого потерял на прошлой неделе, несколько карандашей, пару стеклянных шариков, книжку про Братца Кролика, которую он никак не мог отыскать на полке среди других книг. В общем в ящике было много всякой потерянной всячины, но двух копеек среди этих вещей не оказалось. Перерыв всё, Митя вздохнул:

— Тут монетки нет.

— Может, она завалилась в другой ящик? — предположил Стол, выдвинув нижний ящик.

Митя достал аккуратную коробочку, перевязанную голубой ленточкой и, повертев её в руках, спросил:

— Неужели кто-то потерял подарок?

— Нет, уважение. Если хотите, можете взять его себе, юноша, — проскрипел Стол.

Мефодий, встав на задние лапки, подёргал Митю за рукав и зашептал:

— Бери. От лишнего уважения я бы не отказывался.

Мите было очень заманчиво открыть крышку и посмотреть, как выглядит уважение, но, поборов любопытство, он положил коробочку назад.

— Нет, если кто-то потерял уважение, то наверняка захочет его вернуть, — решил он и заглянул поглубже.

Возле задней стенки, в самой глубине ящика, лежал пыльный свёрток. Стоило вытащить его наружу, как поднялось такое облако пыли, что все разом чихнули.

— Наверное, эта потеря лежит здесь уже лет сто, — проворчал Авося.

— Не совсем сто, но порядочно, — подтвердил Стол Находок. — Это чья-то совесть. Хозяин потерял её давным-давно, но даже не пытается найти. Так она тут и пылится. Вам случайно не нужна?

— Нет, мы же совесть не теряли, — отказался Митя. — Хорошо бы её нашёл тот бессовестный растеряха.

Он опять заглянул в ящик, но тот оказался пуст.

— И тут монетки нет, — вздохнул Митя.

— Значит, она не потерялась. Все потерянные вещи у меня на строгом учёте, — заявил Стол Находок.

— А где же она тогда? — сказал Митя.

— Если монетки нет среди потерянных вещей, то наверняка она найдётся среди того, что плохо лежало. А это совсем по другому адресу, — напыщенно проговорил Стол Находок, давая понять, что разговор окончен.

Митя ужасно огорчился. Честно говоря, он надеялся, что Стол Находок поможет найти две копейки и тогда можно будет заниматься игрой слов и не беспокоиться по поводу возвращения домой. К тому же времени оставалось не так уж много, ведь каждому ясно, что оно не резиновое и его нельзя растягивать до бесконечности.

Митя понуро вышел из кабинета, но не успел опомниться, как к нему подскочил д'Оберман и радостно пролаял:

— Нашёл я вашу потерю.

Пёс положил к Митиным ногам прозрачный пакет, набитый какими-то деталями.

— Это не наше, — сказал Митя, с сомнением оглядев лежавшие в пакете стрелки и шестерёнки.

— А чьё же тогда? Сами говорили, что потеряли время. Я с ног сбился, искал, а теперь ты носом крутишь, — возмутился сыщик.

— Так это наше потерянное время? — удивился Митя, боясь поверить в такую удачу.

— Вот именно, — подтвердил д'Оберман.

— И мы можем его взять?

— Конечно. Скажу по правде, вам повезло. Не каждый из тех, кто теряет время, потом его

находит и может наверстать. Только шефу про это молчок, — напомнил пёс.

— Честное слово! — торжественно пообещал Митя. — Теперь мы сможем найти две копейки и у нас ещё останется время на то, чтобы рукопись заиграла.

— А разве шеф не помог вам найти монету? — удивился д'Оберман.

— Нет, её надо искать среди того, что плохо лежало. Ты случайно не знаешь, где это?

— Кто же этого не знает? Сейчас дам точный адрес, — пообещал д'Оберман, достал с полки адресную книгу и зашелестел страницами. Найдя то, что искал, пёс положил справочник перед Митей.

— Третья сосна налево, 40а, — прочитал Митя.

— Точно. Если там всё перетряхнуть, то найдётся немало из того, что плохо лежало. Верно я говорю, ребята? — обратился д'Оберман к своим четвероногим коллегам.

Барбос согласно завилял хвостом, а боксёр оскалился.

— Согласен, Рэкс. У меня тоже кое на кого давно чешутся зубы, — рыкнул д'Оберман.

Авося не стал разбираться, на кого именно у собак чешутся зубы, решив, что будет благоразумнее на всякий случай держаться от них подальше.

— А как отсюда выйти? — поинтересовался Митя.

— Ты опять за своё? Снова принялся признавать секретные сведения? Не зря я сразу почувал, что ты личность подозрительная, — ощерился д'Оберман.

— Сам ты подозрительная личность. Всё время всех подозреваешь, — возразил Митя.

— Не всех, а только тех, кто выспрашивает про нашу контору. Вопросы здесь задаю я, понятно? — прорычал пёс.

— Понятно, — кивнул Митя и попросил: — Тогда выведи нас отсюда без всяких вопросов.

— Вот это другой разговор, — удовлетворённо гавкнул д'Оберман и скомандовал: — На ковёр становись! Смирно!

Митя, Авося и Мефодий застыли на месте. Коврик медленно пополз вверх. Последнее, что друзья слышали перед тем, как окончательно подняться, был шёпот д'Обермана:

— И помните! Строжайшая секретность!

Глава 13

СОРОКА-БЕЛОБОКА

Снова оказавшись на дороге желаний, друзья поспешили по указанному адресу. Скоро тропа вывела их на поляну Трёх Сосен. Стройные красавицы в пышном одеянии из зелёного игольчатого меха, несомненно, выделялись из всех деревьев. Они так высоко вытянулись в небо, словно хотели подцепить макушками облака. Чтобы не мешать друг дружке и позволить путникам любоваться каждой из них в отдельности, сосны росли в разных концах поляны.

— Хорошо, что тут всё рядом. Даже если захочешь, не заблудишься. Остаётся только найти номер 40а, — сказал Митя.

Друзья бодро зашагали от первой сосны налево, возле второй они ещё раз свернули налево, а когда повернули налево в третий раз, то снова подошли к первой сосне и обескураженно остановились.

— Никакого 40а тут нет, — сказал Мефодий.

— Может, мы не так сосчитали? — засомневался Авося.

Они обошли сосны ещё раз, но опять вернулись туда, откуда пришли.

— По-моему, некоторые вечно всё путают, а ещё берутся других вести, — сказал Авося и многозначительно посмотрел на Митю.

После такого несправедливого обвинения некоторые, конечно, обиделись и не могли смолчать.

— Ничего я не перепутал! Я точно помню адрес, — возмутился Митя.

— Лично я тебя не называл, но если ты сам признаёшь, что виноват, то, значит, так оно и есть, — сказал Авося.

— Вовсе я не виноват, — оправдывался Митя.

— Это называется заблудиться в трёх соснах, — сделал вывод Мефодий.

— А может, это вообще не те сосны? Тут нету ни «а», ни «б», а нам надо целых сорок, — вздохнул Митя.

— Просто ты в адресах не смыслишь ни «бе» ни «ме», — поддразнил его Авося.

— Если ты такой умный, то сам ищи эти 40а, — рассердился Митя, и тут ему в голову пришла настолько умная мысль, что все обиды тотчас улетучились.

— Я знаю! — радостно воскликнул он. — Нам нужны никакие не 40а, а сорока, обыкновенная сорока.

— Почему это обыкновенная? Я очень даже выдающаяся, — раздалось сверху.

Друзья задрали головы и увидели старую знакомую. Она сидела на ветке возле сорочьего гнезда и без всякого смущения глазела на путников, будто не имела никакого отношения к украденной монете.

— Да уж, выдающаяся! Тебя-то мы хорошо знаем, — сказал Митя.

— Подумаешь, удивил. Про меня каждый с пелёнок знает. От горшка два вершка, а уже про Сороку-Белобоку рассказывают. Поэты мне стихи посвящают. А уж сколько про меня книжек написано — пропасть, — бахвалилась Сорока.

— Про тебя не детские книжки надо писать, а детективы с ограблениями, — мрачно заметил Митя.

— Что ты такое говоришь! Я — честная сорока и грязных намёков не понимаю, — обиженно заявила Белобока.

— Я и не намекаю, а прямо говорю. Мне нужна монета.

— Ха! Тоже мне умник нашёлся. Монета всем нужна, — усмехнулась Сорока.

— Мне нужна не простая монета, а та, которая перенесёт меня домой, — уточнил Митя.

— Две копейки, что ли? — спросила Сорока.

— Да.

— Я её в глаза не видела, — нахально соврала мошенница.

— А откуда ты знаешь, что это две копейки? — уличил её Митя.

— Я?! Ничего я не знаю. И вообще, что ты ко мне пристал?

— Потому что ты тащишь всё, что плохо лежит. И не отпирайся, — прикрикнул на Сороку Авося.

— Зато у меня всё лежит очень хорошо, — возразила Сорока-Белобока.

— Да уж, ты известная мастерица чужие вещи таскать, — покачал головой Митя.

При этих словах Сорока недовольно взъерошила перья и, возмущённо вертя хвостом, застрекотала:

— Злые языки! Почему в пропажах обязательно меня обвиняют? Я в жизни чужой нитки не взяла!

— Нитки, может, и не взяла, а драгоценный камень? — мстительно напомнил Митя.

— Ой, что-то с памятью моей стало. Ничего не помню. Начисто память отшибло. Какой такой драгоценный камень? Кстати, на твоём месте я бы даже напоминать о нём постеснялась. Камушек-то совсем никчемный, маленький, красненький. Одно слово — не брильянт. А уж про две копейки и говорить нечего, не видала и знать ничего не знаю.

Она подлетела к гнезду и, взъерошив перья, стала поудобнее устраиваться в нём, чтобы прикрыть накопленные богатства.

— Как говорится: не пойман — не верь, — вставил Мефодий.

В это время между прутьев проскользнула монетка и упала на землю прямо к Митиным ногам.

— Вот же мои две копейки! — радостно крикнул Митя.

— Где? Ничего не вижу, — щурясь приглядывалась Сорока, у которой внезапно сильно ослабло зрение.

— А уверяла, что честная. Теперь я знаю, что ты за птица! — заявил Митя.

— Вот и я говорю: — Сколь, воровочка, ни бейся, всё равно конец один, — подтвердил Мефодий.

Однако Сорока не собиралась признавать свою вину. Она сердито повертела клювом и застрекотала:

— Клевета, откровенная клевета. Сама не понимаю, как тут очутились эти две копейки. Просто чудеса!

— Ты же сама говорила, что чудес на свете нет, — съязвил Митя.

— Погорячилась. С кем не бывает, — примирительно заявила Сорока и плаксиво запричитала: — К тому же, если даже я и взяла какую кроху, что же тут такого? Мне надо деток кормить, кашку варить. Вот нынче, к примеру, я как полагается кашу сварила. Этому дала, этому дала, а этому ничего не дала. Другие оглоеды всё до дна выскребли. А ты меня лишней копейкой попрекаешь. Хоть бы постеснялся!

— Это ты должна стыдиться, что всё крадёшь и к себе тащишь. Кстати, мне мой красный камешек тоже нужен, — потребовал Митя, решив, что мошеннице нельзя давать спуску.

— Это твои проблемы. И вообще, без переводчика я говорить отказываюсь, — заявила Белобока.

— Зачем же нам переводчик, если мы и так понимаем друг друга? — удивился Митя.

— Ну и что из того? Каждому известно, что все серьёзные переговоры ведутся через переводчика, а иначе это будут не переговоры, а пустая болтовня.

— Переводчик переводит на другой язык. А ты можешь говорить по-человечески, — пытался урезонить её Мефодий.

Но тут вдруг Митя наотрез отказался говорить с воровкой на одном языке:

— Ещё чего! Она мои две копейки и камешек стащила, а я после этого с ней должен по-человечески говорить? Ни за что!

Переговоры заходили в тупик, и Авося предложил:

— Пускай Мефодий будет переводчиком. Он ведь у нас самый главный пылеглот.

— Почему это я пылеглот? Если ты намекаешь на то, что я на полке пыль глотаю, пока Митя в школе учится, то это вовсе не так. Я там не пылюсь, а размышляю, — обиделся Мефодий.

— Ничего я не намекаю. Просто я слышал, что пылеглотами называют тех, кто знает много языков.

— Не пылеглотами, а полиглотами, — поправил его Митя.

— Какая разница. Главное, что из нас только Мефодий знает два языка: и человеческий, и львиный.

Мефодий тотчас почувствовал себя очень важной персоной и, смягчившись, согласился:

— Так и быть, буду переводчиком. Без меня вам всё равно не договориться.

Белобока удовлетворённо кивнула и сказала:

— Спроси у него, что он даст за мой камешек.

— За её камешек?! — Митя был так возмущён, что даже не стал дожидаться перевода. — С каких это пор камешек стал принадлежать ей? Как ей не стыдно!

— Как тебе не стыдно? — перевёл Мефодий.

— А никак. Если хочет получить камешек, пускай потряхнёт кошельком, — нагло ответила Сорока.

— Ей никак не стыдно. Она просит, чтобы ты кошельком помотал, — сказал Мефодий.

— А гвоздей жареных она не хочет? — ехидно спросил Митя.

— Митя спрашивает, не хочешь ли ты жаркое из гвоздей? Хотя, честно говоря, я не знаю, где он их будет жарить.

— Тогда пусть даст что-нибудь другое, — нахально потребовала белобокая мошенница.

— Так я и разбежался ей что-нибудь давать, — презрительно фыркнул Митя.

— Митя разбежится, а потом тебе как даст, — грозно сказал Мефодий.

— Ну-ну, без грубостей. Чтобы я отдала ему камень задаром? Держи карман шире, — сердито мотнула хвостом Сорока.

Львёнок повернулся к Мите и скомандовал:

— Оттопырь карман. Она сейчас тебе камень бесплатно отдаст.

На этот раз Сорока не стала дожидаться ответа через переводчика.

— Что?! Нашли дурочку! — возмущённо крикнула она.

Мефодий окинул Сороку удивлённым взглядом.

— А ты думала, что тебя и найти нельзя? — сказал он, но, вовремя спохватившись, что выступает в роли переводчика, обратился к Мите:

— Она признаёт, что она дурочка. Может, к ней можно подойти как-то с умом?

И вдруг Митю осенило, как получить камешек назад, и он радушно улыбнулся Сороке.

— Прости, пожалуйста, что я тебя напрасно обвинил. Конечно, у тебя нет моего камешка.

Опешившая Белобока на мгновение потеряла дар речи, а потом осторожно поинтересовалась:

— С чего вдруг ты так решил?

— Чтобы украсть драгоценный камень, надо действовать с умом. Дурочке такое не под силу.

— Это мне-то не под силу? Да я что угодно утащить могу, глазом не моргнёшь, — с жаром заверила Белобока.

— Чем докажешь? Моего камешка ведь у тебя нет, — помотал головой Митя.

— Спорим, есть?

— Не верю. Тут и спорить нечего, — отказался Митя.

— Как это нечего. Поспорить никогда не помешает! — оживился Авося, обожавший споры.

Раззадоренная Белобока тоже не намеревалась отступить. Она решила во что бы то ни стало доказать, какая она умная. Порывшись в гнезде, Сорока победоносно достала оттуда красный камешек.

— Вот он!

Митя сразу узнал своё сокровище, но нарочно состроил кислую гримасу.

— Это не мой камень. На моём краешек был чуть-чуть отбит.

— А это что, по-твоему?

Потеряв бдительность, Сорока слетела вниз и, положив камешек Мите на ладонь, клювом указала на трещинку.

— Да, верно. Теперь я вижу, какая ты умная, — согласился Митя и зажал камешек в кулаке, чтобы Сорока снова не похитила его.

Только теперь белобокая мошенница поняла, что её обманули, и крикнула во всё сорочье горло:

— Карраул! Гррабят!

— Кого? — спросил Авося.

— Наверное, какого-то дурачка. Умного не ограбят, — лукаво улыбнулся Митя.

Сорока поперхнулась и замолчала, а потом вздохнула и хмуро буркнула:

— Ну чего вы тут торчите? Сразу видно, что проходимцы, вот и проходите мимо. Нечего честных сорок от дела отрывать.

— До свидания, — попрощался Митя.

— Тьфу. Только свидания с тобой мне не хватало, — сердито отрезала Белобока и, повернувшись к путникам задом, недовольно затрясла хвостом.

Впрочем, Митя тоже не жаждал новой встречи. Он сунул камешек с монеткой в карман, и друзья пошли дальше в поисках приключений, оставив честную сороку подсчитывать наворованное богатство.

Глава 14

ЧУРНЕЯ И ЧУРМЕНЯ

Теперь, когда две копейки нашлись, можно было всерьёз заняться папиной рукописью. К сожалению, Митя совсем не представлял себе, где искать игру слов, чтобы рукопись наконец-то заиграла, поэтому решил положиться на дорогу: ведь куда-нибудь она всё равно выведет. Путешественники бодро шагали вперёд, болтая о том о сём, как вдруг Мефодий указал на корягу, похожую на неведомого многоногого зверя. Сверху ствол был гладким, без единого сучка и, будто мехом, порос бархатистым тёмно-зелёным мхом, а снизу он, точно лапами, упирался в землю сучьями.

— По-моему, эту корягу мы уже проходили, — заметил львёнок.

— Нет. В лесу таких полно, — помотал головой Авося.

Они пошли дальше, но скоро увидели точь-в-точь такой же поваленный ствол на лапах-сучьях.

— Опять эта коряга, — сказал Мефодий.

— Вообще-то похоже, — задумчиво произнёс Митя, потому что замшелое бревно и впрямь очень походило на то, что они видели раньше.

— А я говорю, нет! Мало ли в лесу поваленных деревьев, — незамедлительно вступил в спор Авося.

— Давайте проверим, — предложил Митя и, порывшись в кармане, достал оттуда кривой гвоздь.

Митя часто находил всякие нужные вещи, которые люди почему-то выбрасывали. Правда, мама ругала его за то, что он тащит в дом всякий хлам, но он был твёрдо уверен, что от каждой вещи может быть польза. Что касается этого гвоздя, то Митя уже давно ломал голову, какое бы ему найти применение, и теперь обрадовался, что наконец гвоздь пригодился. Он положил полезный гвоздь на мшистую спину неведомого зверя и сказал:

— Если мы встретим корягу в следующий раз и на ней будет гвоздь, значит, она та же самая.

Прошагав совсем немного, друзья убедились, что тропинка водит их по кругу.

— Ничего себе сюрприз! Я-то думал, мы куда-нибудь выйдем, а мы, оказывается, топчемся на месте, — разочарованно протянул Митя.

— Да, надеяться, что кривая выведет — пустое дело, — покачал головой мудрый Мефодий.

Авося в сердцах повернулся к Мите.

— Всё из-за тебя. Совсем нас запутал. Ничего не соображаешь, вот мы и слоняемся без толку.

Мефодий тотчас вступился за друга. Он не мог допустить, чтобы Митю обвинили в том, что он ничего не соображает. Львёнок укоризненно посмотрел на Авося и сказал:

— Мы вовсе не слоняемся. Слоняются только слоны.

— А львы что делают, льяются, что ли? — съязвил Авося, но Мефодий, не обращая внимания на насмешку, серьёзно пояснил:

— Львы левитируют.

— Чего-чего? — не понял Авося.

— Левитируют, — повторил Мефодий научное слово, которое слышал от Митиной мамы. Правда, он не знал, что оно означает, но сразу понял, что оно имеет непосредственное отношение к львам.

Митя знал, что означает это научное слово, потому что уже спрашивал об этом у мамы. Едва сдерживая смех, он объяснил:

— Это значит, что львы летают.

Не успел он это произнести, как Мефодий случайно зацепился за какую-то ветку, а когда попытался освободиться, та, точно катапульта, подбросила его, и он полетел вверх тормашками.

— Надо же! Полетел, — изумился Авося.

Между тем Мефодию было не до смеха. Пока он шёл на взлёт, мысли его так кувыркались, что он даже не успел понять, что к чему. Но когда он почувствовал, что идёт на посадку, то левитация ему совсем разонравилась, потому что посадка не обещала быть мягкой. При виде куста репейника, оцетинившегося колючками, Мефодий зажмурился. Митя хотел поймать его, но не дотянулся, и львёнок со всего размаха шлёпнулся в колючки.

Митя с Авосей испуганно подскочили к нему. Мефодий распластавшись неподвижно лежал в репейнике.

— Наверное, летальный исход, — обескураженно сказал Митя.

— А что такое «летальный»? — насторожился Авося.

— Точно не знаю, но, по-моему, это когда летаешь, летаешь, а потом ка-а-а-к шмякнешься.

— Кто это шмякнулся? Вовсе я не шмякнулся, а приземлился, — проговорил Мефодий, открывая один глаз.

— Мефодий! Как хорошо, что с тобой всё в порядке. Ты не ушибся? — озабоченно спросил Митя, помогая львёнку выбраться из репейника.

— Нет, но кажется, я превратился в ежа. Эти колючки так щекочут меня, что мне всё время хочется поёжиться. Помогите-ка мне их поскорее вытащить, — попросил Мефодий.

Митя с Авосей принялись очищать отважного лётчика от репьев.

— Как же тебя угораздило так взлететь? — покачал головой Митя.

— Почему это угораздило? Я по собственному желанию решил немножко полетать, потому что сверху лучше видно, — напыжился Мефодий.

Не мог же он признаться, что какая-то глупая ветка сыграла с ним такую шутку.

Митя с уважением посмотрел на львёнка и воскликнул:

— Ты молодец! Прямо в точку попал. Вот что нам сейчас нужно!

— Да, конечно, — согласился Мефодий, покосившись на репейник и пытаясь понять, для чего Мите нужно туда попасть.

Авося проследил за взглядом Мефодия и, поняв, о чём тот подумал, запротестовал, на этот раз не просто из любви к спорам:

— Нет уж, чего я не видел в такой колючей точке? Если кому нравится, тот пускай туда попадает, а у меня на этот счёт своё мнение.

— Да нет же, я говорю про другое. Нам нужно ясно увидеть цель, иначе мы ищем сами не знаем что, — объяснил Митя.

— Тогда другое дело. Твоё желание — закон. Не зря же мы идём по дороге желаний, — напомнил Авося.

И правда, стоило Мите высказать пожелание, как дорожка увела путников от назойливой коряги. Скоро между деревьями показался просвет. Друзья прибавили шагу и вышли к самому удивительному сооружению, которое Мите приходилось когда-либо видеть.

Это был настоящий карточный домик, сложенный из игральных карт такого огромного размера, что Митя мог бы с лёгкостью в нём поместиться, если бы знал, как войти. К

сожалению, дверей в карточных домиках не предусмотрено. Однако не было сомнений, что в домике жили, потому что рядом с ним на верёвке сушилось бельё.

— Интересно, как жильцы заходят внутрь? — озадаченно спросил Митя, обойдя домик со всех сторон.

— Да, загадка. Как говорится: без окон, без дверей дама трэф и туз червей, — вставил Мефодий.

— Чего там думать. Надо постучать, — по-простому решил Авося и, прежде чем Митя успел остановить его, стукнул кулаком.

Всем известно, что карточные домики не самые прочные строения в мире, поэтому вся эта грандиозная конструкция вдруг заходила ходуном, готовая рухнуть. Авосе показалось, что карточные короли зловеще ухмыльнулись, а вальты нацелили в него свои булавы и пики. Авося отпрянул и закричал:

— Чур! Чур меня!

К счастью, сооружение устояло. Как только всё пришло в равновесие, одна карта, подобно дверце, распахнулась, и оттуда вышла особа странного вида. Платье у неё было расшито карточными крестушками и пиками. На голове красовалась остроконечная шляпа с широкими полями, где на тулье вместо ленточки дремал уж, завязанный причудливым узлом. Две летучие мыши висели у дамы на ушах, подобно гигантским серьгам. На вороте платья, как брошка, прицепился скорпион, а на шее, свесив лапы, живым воротником лежала лисица.

— Совсем озверели! — сердито крикнула незнакомка. — Неужели обязательно надо ломать дом? Могли бы просто позвать, я не глухая.

Митя был так удивлён, что даже не нашёлся что ответить.

Вслед за незнакомкой вышла другая, похожая на неё как две капли воды. С первого взгляда было ясно, что они близняшки. У второй сестрицы платье пестрело бубнами и сердечками, которые, по совершенно непонятным причинам, в картах называются «черви». Её шляпа, будто ваза, буквально ломилась от фруктов. На ушах висели серёжки из вишен, наподобие тех, что делают себе девчонки, а на груди красовалась виноградная гирлянда.

— Какие сладенькие! Ах вы, ягодки мои! — умильно всплеснула она руками, окинув друзей взглядом.

Услышав, что его называют ягодкой, Мефодий не на шутку забеспокоился. Вероятно, настало время превращений. Сначала он летал птицей, потом побывал ежом, но стать ягодкой — это было уж чересчур! Не успел он возмутиться, как дама с лисицей сурово сказала:

— Ничего себе ягодки! Посмотри на их физиономии. Это же чисто звери! Какое свинство — ни с того ни с сего крушить чужой дом.

При этих словах уж очнулся от дрёмы и обвёл всех осоловелыми глазками, а лиса оперлась о плечо дамы и, манерно положив голову на лапу, изучающе осмотрела пришедших с ног до головы. Мефодий незамедлительно приосанился, чтобы все лучше увидели, что он не просто зверь, а хищник.

Всё происходящее было столь необычно, что Митя от удивления потерял дар речи и лишь молча глазел на хозяек карточного домика. Дама с лисой, кивнув в его сторону, обратилась к сестре:

— Ишь, молчит. Уставился как баран на новые ворота. По-моему, он немой.

— А что он, мой, что ли! Вызвал, а теперь молчит, — воскликнула та.

— Я вас не вызывал, — осторожно вставил Митя.

— Смотри-ка, заговорил! — искренне обрадовалась дама с фруктами.

— А кто же тогда крикнул: «Чур-меня!»? Насколько я понимаю, в этих краях так зовут только меня, — сказала её сестра.

Лисица в подтверждение кивнула головой, летучие мыши хлопнули крыльями, а скорпион живописно изогнул хвост.

Митя никогда прежде не слышал такого странного имени, но подумал, что незнакомке оно очень подходит. Такую особу лучше не злить, и он решил, что будет благоразумнее извиниться:

— Простите, это произошло случайно.

— Как случайно? Разве вам не нужны специалисты по ясновидению? — удивилась Чурменя.

— Очень нужны! Значит, вы нам поможете? — обрадовался Митя.

— Чур не я! — наотрез отказалась Чурменя.

— А кто же тогда? — обескураженно спросил Митя.

— Тебе что, медведь на ухо наступил? Я ведь тебе ясно сказала: Чурнея.

— Я понимаю, что не вы. Может быть, вы? — обратился Митя к даме с фруктами.

Она сделала реверанс и прощбетала:

— Естественно, Чурнея к вашим услугам.

Её слова совсем сбили Митю с толку.

— Так всё-таки вы или не вы? — обескураженно спросил он.

— Откуда берутся такие тупицы? Ты глуп как осёл, — раздражённо проговорила Чурменя и, указав на сестру, сказала: — Чурнея занимается ясновидением и гаданием.

— Совершенно верно. Я всё предскажу! А Чурменя — большая мастерица ворожить. Так что, если не хочешь попусту убить время, проходи, — Чурнея кивнула Мите, приглашая войти в дом.

— А мы? — встрепенулся Мефодий.

— А вы подождите здесь. Предсказывают всегда одному, потому что для троих будет уже три предсказания и никогда нельзя быть уверенным, какое из них правильное.

Глава 15

ГАДАНИЕ

Митя осторожно прошёл в дом, стараясь ничего не задеть. Внутри, как и снаружи, всё было

сложено из карт рубашками кверху. Над диваном висело изображение трефового короля. Чурнея указала на него и пояснила:

— Это портрет нашего дорогого дядюшки.

— А зачем он на портрете ещё и вверх ногами? — спросил Митя, которого давно интересовал вопрос, отчего все карты нарисованы и так и сяк.

— Это для того, чтобы, встав на голову, его тоже можно было хорошенько рассмотреть.

— А разве встают на голову, чтобы смотреть на картины? — удивился Митя.

— Пока никто, но, на всякий случай, надо быть готовыми ко всему. Я слышала, что есть любители ходить на голове, — сказала Чурнея и выразительно посмотрела на Митю.

Он сразу понял, что она настоящая ясновидящая. Наверняка намекает на то, что вчера, во время битвы на подушках, они с другом так разошлись, что разорвали наволочку и разбили вазу. Впрочем, Чурнея про это не сказала ни слова, а Митя не стал настаивать.

Фруктовая дама знаком пригласила его присесть. Митя не без опаски опустился на карточный табурет, но тот оказался, на удивление, прочным. Радужная хозяйка поставила перед Митей блюдце с голубой каёмочкой и, сорвав со шляпы большое спелое яблоко с красным бочком, положила его на блюдце.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Митя, взял яблоко и с хрустом надкусил.

На вкус яблоко оказалось совсем не таким сочным и сладким, каким казалось со стороны. Впрочем, Митя не успел его как следует распробовать, потому что Чурнея всплеснула руками и возмущённо воскликнула:

— Ты что это делаешь?! Ты что, есть сюда пришёл?!

Она так посмотрела на него, что кусок не полез в горло, и Митя поспешно положил яблоко назад.

— Но вы сами угостили, — пролепетал он.

— Угостила?! Это ведь наливное яблочко. Сам заказал ясновидение, а теперь пеняй на себя. Весь механизм испортил!

— Я же не знал, что это механизм, — оправдывался Митя. — И потом я не так много откусил. Может, всё-таки получится?

— А то я без тебя не знаю, что получится, а что нет. Вот полюбуйся! — Чурнея крутанула яблоко на тарелочке и произнесла: — Яблочко, катись, катись, целый мир, нам покажись.

Сначала яблоко шустро покатило по тарелке, и Митя увидел, что донышко её засветилось, как экран телевизора, но, к сожалению, на этом видимость исчезла, потому что яблоко попало на надкусанный бок и застряло. По донышку тарелки пошла рябь, а потом изображение и вовсе пропало.

— Вот видишь, яблочко от яблоньки недалеко падает, — обиженно поджав губы, ни с того ни с сего заявила Чурнея.

— Такого мальчишку надо держать в ежовых рукавицах, — покачала головой Чурменя.

Лисица согласно кивнула, а Чурнея всплеснула руками:

— Теперь-то я поняла, что он за фрукт. Надо же, не успела и глазом моргнуть, как он слопал наливное яблочко.

Митя подумал, что она явно преувеличивает. Он и откусил-то всего малюсенький кусочек, но спорить не стал, потому что чувствовал себя виноватым.

— Может быть, его можно починить? Когда у нас сломался телевизор, папа отвозил его в телеателье, — предложил он.

— Знаем мы эти ателье! Там всё шито белыми нитками, — сердито сказала Чурнея, а Чурменя зловеще усмехнулась:

— Если хочет, пускай идёт в ателье. Там ему пришьют дело за поломку магического имущества. И всё будет шито-крыто.

Мите почему-то расхотелось идти в местное ателье.

— Тогда я не знаю, что делать, — расстроено вздохнул он.

— Если не знаешь, то надо гадать, — неожиданно смягчилась Чурнея и предложила: — Какое гадание выбираешь: на кофейной гуще, на бобах, на картах или башмак будешь бросать?

— А зачем башмак бросать? — удивился Митя.

— Чтобы узнать, женишься ты или нет.

— Но я не собираюсь жениться! — наотрез отказался Митя. — Почему здесь все хотят без меня меня женить? Сначала Стол Находок предлагал принцессу, как будто без того мало хлопот, теперь вы.

— Ну, если хочешь остаться на бобах, тогда гадание на бобах тебе подойдёт больше. На них всё равно ничего приличного не получается, — сказала Чурнея.

— На бобах не надо, уж лучше на картах, — решил Митя.

— Можно и карты раскинуть, — согласилась Чурнея.

— Вот ещё! Если ты раскидаешь наш замечательный дом, то потом придётся всё отстраивать заново, а я и так, как белка в колесе. Пускай тогда он сам ишачит, — недовольно встряла Чурменя.

— Я не знал, что для гадания надо раскидывать дом, — оправдывался Митя. — Лучше сами предложите, на чём погадать.

— Конечно на кофейной гуще, — прощепетала Чурнея, доставая с полки банку растворимого кофе.

— А разве в растворимом кофе бывает гуща? — удивился Митя.

— Нет, а какая разница?

— Как же гадание без гущи?

— Если лампочка горит без огня, то почему не погадать без гущи? Это только в старину не было ни электричества, ни растворимого кофе, а мы стараемся не отставать от жизни, — сказала гадалка.

Митя не стал спорить: она же ясновидящая, ей виднее. Кроме того, ему было интересно

попробовать кофе.

— А мама говорит, что детям вредно пить кофе, — сказал он.

— Одно дело — мама, а другое — я. У меня ты будешь пить кофе вприглядку.

— Как это? — не понял Митя.

— Очень просто. Я буду пить, а ты — глядеть. Как ты предпочитаешь: чёрный или со сливками?

Митя подумал, что вприглядку он пьёт по две чашки кофе каждое утро: за папу и за маму — и при этом нет никакой разницы — чёрный или со сливками. Впрочем, Чурнея поставила на стол две чашечки, поэтому он сказал:

— Лучше со сливками.

— Правильно, со сливками вкуснее, — одобрительно кивнула Чурнея, добавляя в каждую чашку по паре ложек сухих сливок. — А сахару побольше или поменьше?

— Побольше.

Чурнея так суетилась, пытаясь угодить, что Митя решил, в Игрландии «приглядка» не такая, как дома. Однако надежды оказались напрасными. Вторая чашка предназначалась для сестрицы. Чурнея и Чурменя выпили всё до капли, даже не подумав предложить угощение гостю, а потом гадалка уставилась в пустую чашку и спросила:

— Так что ты хочешь узнать?

— Заиграет ли папина рукопись.

— Заиграет, — сказала гадалка и помолчав добавила: — Если ты найдёшь средство.

— А если не найду? — спросил Митя.

— Тогда не заиграет.

— А какое это средство? — поинтересовался Митя.

— Как раз такое, чтобы рукопись заиграла.

— А что нужно, чтобы она заиграла? — допытывался Митя.

— Найти средство, — ответила Чурнея.

Гадание пошло по кругу. «Точно, как „У попа была собака...“», — с досадой подумал Митя и решил подойти с другого конца.

— А где его искать?

— Там, где оно лежит.

— Но я не знаю, куда идти, — развёл руками Митя.

Чурнея немножко подумала и сказала:

Можно налево, а можно направо.

Можно опушкой и через дубраву,

Можно за рошу, можно за бор
Через калитку и через забор.
И через реку по мостику можно
Иль на пароме, но осторожно.
И по пустыне или по морю,
И по равнине или по взгорью.
Можно повсюду! Поверьте, друзья:
Нет в Игрландии слова «нельзя».

— Выходит, мне можно идти куда угодно? — обескураженно спросил Митя.

— Разумеется. Тебе позволено всё на свете, — радостно сказала гадалка.

Если бы такое сказала мама, это звучало бы замечательно, хотя бывают чудеса, в которые не верил даже Митя. Но Чурнея — это далеко не мама, и от её разрешения было мало проку.

— От такого гадания нет никакой пользы, — огорчился Митя.

— А с чего ты взял, что от гадания должна быть польза? — возразила Чурнея.

— Если вы гадаете, то должны говорить точно!

— Ну, знаешь ли, выбирай что-то одно: или гадать, или знать точно, — заявила Чурнея.

— Я хочу знать точно, — сказал Митя.

— Тогда незачем было идти к гадалке. На то и гадание, что можно попасть в цель, а можно — пальцем в небо. Точными бывают только науки, — отчего-то рассердилась она.

— Точные науки мы уже проходили, но нам они тоже не помогли, — сказал Митя, вспомнив Математик).

— По-моему, ты сам точно не знаешь, чего хочешь, — обиженно поджала губы Чурнея.

— Не знаю, — тяжело вздохнул Митя.

Ему вдруг стало грустно-прегрустно, потому что он ничуть не мог помочь папе и только напрасно истратил волшебную копейку. Наверное, если бы папа сам попал в Игрландию, он нашёл бы средство для своей рукописи, а так он будет всю жизнь расстраиваться, до самой старости.

— Ну-ну, не надо всё видеть в таком мрачном свете, — принялась успокаивать Чурнея, прочитав его мысли.

И тут на Митю нашло озарение. Он вспомнил, как мама говорила папе, что тот видит всё в мрачном свете, поэтому у него ничего не получается. В том-то и состоит секрет неудач. Не теряя времени даром, Митя высказал своё пожелание:

— Я хочу увидеть всё в другом свете!

— Выражайся поточнее. В каком другом? Если ты имеешь в виду

тот свет, то я бы посоветовала тебе держаться от него подальше, — назидательно сказала Чурменя, обмахиваясь лисьим хвостом, будто веером.

— Почему?

— Потому что это не для детей, — строго отрезала Чурнея и погрозила пальцем.

Такая несправедливость возмутила Митю не на шутку. Даже тут, в Игрландии, были вещи, которые разрешались только взрослым!

— А ещё говорили, что мне тут всё позволено! Это моя дорога желаний! — в сердцах воскликнул он.

Сестрицы переглянулись.

— Что ж, коли ты настаиваешь, всё можно устроить, — нехотя кивнула Чурменя. — Но, если передумаешь, надеюсь, ты сумеешь выпутаться?

— Не знаю, — пожал плечами Митя.

Чурменя щёлкнула пальцами, и на него, неизвестно откуда, свалилась сетка. Он попробовал высвободиться, но только барахтался, как муха в паутине, ещё больше запутываясь, пока не завяз окончательно.

— Освободите меня, пожалуйста, — взмолился он.

— Плохо дело, — покачала головой Чурнея.

— Да, ты совсем не умеешь выпутываться, — вздохнула Чурменя. — Неужели ты не знаешь даже простейших правил превращения?

— Нет, — всхлипнул Митя, тщетно трепыхаясь в сети.

— Это же проще пареной репы. Стыдно быть магом и не освоить таких простых вещей, — сказала Чурнея.

Митя понял, что его с кем-то спутали.

— Я не маг, а обыкновенный мальчик. Отпустите меня! — закричал он.

— Это ты у себя дома обыкновенный мальчик, а если явился сюда и к тому же встал на дорогу желаний, то нечего отпираться. Разве здесь не сбывается всё, что ты пожелаешь?

— Сбывается.

— Это потому, что пока ты в Игрландии, ты — маг. Неужели тебе никто этого не объяснил?

— Нет. Я не думал, что стал магом, — обескураженно проговорил Митя.

Новость так ошарашила его, что он даже на время забыл, что находится в плену.

— Напрасно. Думать полезно даже тем, у кого куриные мозги, вроде твоих. Придётся дать тебе урок начального волшебства, — строго сказала Чурменя.

УРОК ВОЛШЕБСТВА

Мите нравилось учиться. Он любил и чтение, и рисование, и математику, и физкультуру, но школьные предметы не шли ни в какое сравнение с уроком волшебства. Ему не терпелось освободиться от пут и приступить к занятиям.

Чурменя взмахнула руками, как и полагалось во время колдовства, но вместо замысловатого заклинания, лишь невнятно промычала: «М-м-м». Тотчас сетка куда-то исчезла. Митя вздохнул с облегчением и тут заметил, что сжимает что-то в руке. Он разжал кулак и, к своему ужасу и удивлению, увидел там чёрный кружочек с черепом и костями.

— Чёрная метка, — с благоговейным трепетом проговорил Митя, которому были известны приключения на Острове Сокровищ и что означал подобный знак.

— Не надо желать чего ни попадя, — язвительно сказала Чурнея.

Митя так и не успел понять, чего не следует желать, потому что Чурменя по-деловому скомандовала:

— А теперь не будем терять времени. Мальчишке пора взяться за ум.

— Давно пора, — поддакнула Чурнея. — Странно, что у него прежде до этого не доходили руки!

— Что с него взять? У него руки короткие, но это ещё не значит, что он должен остаться магом-недоучкой, — укоризненно покачала головой Чурменя.

— Верно. Займись им как следует. Пусть лучше он будет выжатым как лимон, чем потом придётся за него краснеть! — воскликнула фруктовая дама.

— Я сама не хочу, чтобы он попал как кур в ошип, — согласилась её сестрица и попросила: — Принеси-ка нам для начала пирог.

— Сей момент, — прощебетала Чурнея.

К большой радости Мити, она достала из буфета аппетитный пирог с яблоками и торжественно поставила блюдо на стол. В том, что пирог настоящий, не было никакого сомнения. От него шёл такой пряный аромат корицы, что у Мити аж слюнки потекли. Урок волшебства обещал быть даже более интересным, чем ожидалось. Правда, после наливного яблочка Митя не решался притронуться к угощению без приглашения и, как оказалось, правильно делал.

Чурнея строго погрозила ему пальцем и предупредила:

— Следи внимательней. Волшебство — это тебе не ворон считать. О! — взмахнув руками, воскликнула она.

Тотчас пирог исчез, и Митя с разочарованием увидел, что вместо него на столе появился порог. Да-да, обыкновенный порожек, какие бывают перед входом в дом, с той только разницей, что посреди стола пара деревянных ступенек выглядела совершенно нелепо.

— Понял? — спросила Чурменя, сверля Митю взглядом.

— По-моему, пирог был лучше, — робко сказал он и нерешительно добавил: — А порог тут

совсем не к месту.

— К какому ещё месту? Я тебя о превращении спрашиваю, — раскипятилась Чурменя.

— Не понял, — честно признался Митя.

— До тебя доходит, как до жирафа по длинной шее, — осуждающе покачала головой Чурменя. — Показываю ещё раз. Ха! — то ли хмыкнула, то ли усмехнулась она, но порожек вдруг превратился в коробочку, наполненную каким-то порошком.

Митя очень внимательно следил за её руками, чтобы понять, как она делает свои фокусы, но ничего подозрительного не заметил.

— Теперь понятно? — поинтересовалась Чурменя.

— Нет, — вздохнул Митя.

Сёстры переглянулись.

— С этим мальчишкой у меня просто лопнет терпение! — в сердцах воскликнула Чурменя.

— Может быть, ему нужна хорошая встряска, чтобы до него хоть что-нибудь дошло? — подсказала Чурнея и, указав на коробочку, обратилась к Мите:

— Как по-твоему, что это такое?

— Какой-то порошок, — пожал плечами Митя.

— Это порох! — пояснила Чурменя и скомандовала сестре: — Неси сюда спички.

Не успел Митя сообразить, что к чему, как фруктовая дама чиркнула спичкой и поднесла её к коробочке с порохом.

— Что вы делаете! Это же порох! — в ужасе воскликнул он, но поздно.

БА-БАХХ! Взрыв потряс помещение, и карточный домик вместе со всем содержимым взлетел на воздух. У Мити захватило дух, когда он увидел в окошко, что земля быстро удаляется.

— Ой-ой-ой! Я не хочу улетать от Мефодия и Авоси, — истошно завопил он, но его опасения оказались напрасными. Немножко полетав, дом как ни в чём не бывало возвратился на прежнее место.

Митя перевёл дух, но тут что-то ударило его по макушке, потом по спине и по рукам, и на него со всех сторон посыпались горошины.

— Ну теперь-то в твоей голове хоть что-нибудь прояснилось? — сердито спросила Митю учительница волшебства.

Между тем Мите было не до вопросов. Он тщетно пытался отбиться от горохового обстрела.

— Как об стенку горох, — вздохнула Чурнея.

— Прекратите, пожалуйста, — взмолился Митя, а когда гороховый град кончился, обиженно проговорил: — Не нравится мне такая учёба. Сами ничего толком не объясните, а требуете, чтобы я всё понял.

— Если хочешь научиться превращать, ты должен схватывать всё на лету. Вот так, — Чурнея схватила с полки стопку тарелок и стала по очереди запускать ими в сестру.

Уж на шляпе от страха зажмурился, лисица закрыла лапами глаза, а летучие мыши заткнули крыльями уши, но ничего страшного не произошло. Чурменя, как заправский жонглёр, поймала все тарелки, снова сложив их аккуратно стопкой.

«Это не обучение, а просто цирк какой-то. Сначала фокусничают, потом жонглируют», — подумал Митя. Все его надежды научиться делать чудеса рушились.

Чурменя пристально посмотрела на него и, будто прочитав его мысли, неожиданно доверительно сказала:

— Никто и не говорит, что стать настоящим волшебником легко. Я тебе всё показала на примерах, а ты должен сам вывести правило превращений.

— Я бы с радостью, но всё слишком запутано. Почему пирог превратился в порог, тот, того пуще, в порох... — Митя на мгновение замолк, а потом просиял: — Понял! Для того чтобы превращать, нужно каждый раз заменять в слове одну букву: пирог — порог — порох — горох!

— Наконец-то! — с облегчением вздохнула Чурменя.

— Не может быть, чтобы это было так просто, — не поверил Митя.

— Попробуй сам.

Для начала Митя решил выбрать что-нибудь попроще. Оглядевшись, он уставился на стол, набрал побольше воздуха, взмахнул руками и выпалил: «У!». Откровенно говоря, он опасался, что из этой затеи ничего не получится, но результат превзошёл ожидания. Стол превратился в шикарный стул с изогнутыми ножками.

Воодушевлённый успехом, новоиспечённый волшебник немедленно превратил печь в пень, чашку в шашку, миску в маску. Но, когда мирно дремавший на шляпе у хозяйки уж вдруг превратился в ежа и, свернувшись в клубок, оторопело скатился с фетровых полей, Чур-меня строго scomандовала:

— Не хулигань!

Лисица уставилась на Митю и выразительно повертела лапой у виска, летучие мыши пронзительно запротестовали, а скорпион угрожающе изогнул хвост. Ученик понял, урок волшебства нужно заканчивать. Впрочем, это его не огорчило, ведь теперь он мог похвастаться своим умением перед друзьями. И тут Митя спохватился, что за превращениями совсем забыл про Авосю и Мефодия, которые ждали его на улице.

— Мне пора идти. Большое спасибо, что вы научили меня превращать, — поблагодарил он хозяек карточного домика.

— Спасибо потом скажешь. Во всяком случае теперь, когда полезешь на рожон и попадёшь в переделку, ты можешь превратить её во что-нибудь более приятное, — заметила Чурменя.

— А что такое рожон? — спросил Митя.

— Сам поймёшь, если по-прежнему собираешься увидеть тот свет, — передёрнула плечами Чурнея.

Откровенно говоря, Мите было любопытно посмотреть на таинственный рожон. Как-то раз мама сказала папе, что нельзя лезть на рожон. Митя ещё тогда собирался спросить, что это такое и высоко ли на него лезть, но забыл.

«Уж если папе нельзя, то, наверное, высоко», — подумал он, потому что папе мама разрешала гора-а-аздо больше, чем ему. К тому же, поскольку в Игрландии всё разрешено, грех было упустить такую возможность.

Глава 17

ЛЕСНЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Мите не терпелось рассказать друзьям об уроке волшебства и о том, что он оказался магом. Как только Авося узнал, что Митя научился искусству превращения, он тотчас загорелся желанием проверить его мастерство. И на то были причины. Хотя Авося сам был магистром чародея, во время колдовства у него получалось не совсем то, а точнее, совсем не то, что он хотел. Не откладывая в долгий ящик, прославленный маг предложил новичку:

— По-моему, тебе надо потренироваться. Давай совместим приятное с полезным.

— Как это? — не понял Митя.

В это время из травы на тропинку выскочила зелёная лягушка. Увидев её, Авося выпалил:

— Преврати лягушку в пирожное.

Митя посмотрел на пучеглазую попрыгунью, которая спешила по своим делам, и подумал, что дома её, наверное, ждут дети.

— Нет, по-моему, лягушке это будет не слишком приятно и совсем не полезно, — отказался он.

Авося собирался, по обыкновению, вступить в спор, но споткнулся о кочку и чуть не полетел носом вниз. Со злости он хотел пнуть её ногой, но вдруг сообразил, что ей можно найти другое применение.

— Придумал! Преврати в пирожное эту кочку, чтобы она не мешалась на дороге. Тогда получится сразу две пользы, — улыбнулся он, довольный своей находчивостью.

Митя на мгновение задумался и помотал головой.

— Не получится, потому что в пирожном восемь букв, а в кочке — всего-навсего пять.

— А ты сделай совсем малюсенькое пирожнице, как раз чтобы хватило на пять букв, — не унимался Авося.

— На пять букв от пирожного останется только рожно, — задумчиво произнёс Мефодий, который всегда умел вовремя вставить своё слово.

— Какое ещё «рожно»? — не понял Авося.

— То самое, когда всё есть, только рожна не хватает, — пояснил львёнок.

— Нет, рожна мне не надо, — отказался Авося.

— Вот и хорошо, — с облегчением вздохнул Митя. — Тем более что кочку я могу превратить или в бочку, или в кошку.

— А в конфету? — с неподдельным интересом допытывался Авося.

— Нет, из съестного могу только в корку.

— Эх, ты, а ещё друг называется. Я, как у порядочного мага, конфету попросил, а ты мне вместо этого корку, да? — надулся Авося.

— Не обижайся. Ты ведь должен знать, что превращать просто так нельзя. Это делается по специальным законам волшебства, — пытался урезонить его Митя, который чувствовал себя большим знатоком по части магии. Но Авося был слишком огорчён, чтобы с этим согласиться.

— От такого волшебства нет никакого прока, — ещё пуще насупился он.

— Прок от него будет позже, когда мы полезем на рожон, — объявил Митя.

— На какой ещё «рожон»? — рассердился Авося.

Митя хотел было сказать, что и сам не знает, но тут увидел воткнутый в землю кол, на котором, как в музее, висела табличка:

РОЖОН

в древности использовался

царями для наказания виновных

Ниже корявым почерком было нацарапано:

ЧАЩЯ! НИХТО НИ СУВАЙТИСЯ.

Авосю эта надпись не вдохновила.

— Нет уж, я на рожон не полезу. Может, там людоед или шайка разбойников, — наотрез отказался он.

— Подумаешь, разбойники, — презрительно фыркнул Мефодий, всегда готовый к подвигам.

— Между прочим, об этом стоит подумать, — возразил Авося.

Митя подумал и сразу же понял, что так думать не стоило, потому что неожиданно рядом раздался молодецкий посвист и с дерева на тропинку прыгнул разбойник свирепого вида. Один глаз у него, как и полагается, был закрыт чёрной повязкой, в ухе висела серьга, усы топорщились в разные стороны, а подбородок покрывала щетина. Весь он, точно ёлка, был обвешан целым арсеналом оружия: на боку висела сабля, за спиной — лук со стрелами, под мышкой — пистолет, а из-за пояса торчал настоящий кривой разбойничий нож.

Недолго думая, Митя подхватил Мефодия и рысью побежал прочь, следом за Авосей, который рванул так, что олимпийские чемпионы поумирали бы от зависти. Уйти далеко беглецам не удалось, потому что они попали в хитроумную ловушку и завязли в разлитой на дороге смоле.

— Кажется, влипли, — мрачно пробормотал Митя, с трудом пытаясь высвободить ботинки.

Друзья с ужасом увидели, что их окружает шайка головорезов.

— Попались, голубчики! Что вы здесь делаете? — взревел одноглазый атаман.

— Пу-путешествуем, — заикаясь проговорил Митя.

Он изо всех сил старался, чтобы его голос звучал твёрдо, но, к сожалению, это не слишком удалось.

Атаман кивком подозвал помощника: тощего сутулого детину в потрёпанной широкополой шляпе, с большим пистолетом на боку, и распорядился:

— Эй, Казначей. Вытряхни из них всё до последней монеты. Если они надумали путешествовать в нашем лесу, то наша обязанность помочь им пойти по миру.

Атаман раскатисто захохотал над своей шуткой, и остальные разбойники, хватаясь за бока, последовали его примеру.

Митя вспомнил про две копейки, которые они с таким трудом выманили у вороватой Сороки, и со страхом подумал, что если разбойники отнимут монету, то назад её уже не получить. Между тем Казначей, поигрывая пистолетом, подступил к пленникам и противно прогнусавил:

— А ну выворачивай карманы!

Мефодий, не желая терпеть такой грубости, заворочался у Мити на руках, пытаясь высвободиться. Зная бесстрашный нрав своего плюшевого друга, Митя сразу же понял, что тот рвётся в бой. Сам он не хотел нарываться на неприятности, поэтому крепче прижал львёнка к себе и знаком приказал ему сидеть тихо.

К этому времени Авося успел вывернуть карманы. В них, на удивление, оказалось пусто.

В отличие от магистра чародея, Митя такого фокуса проделать не мог, и ему не оставалось ничего другого, как по очереди доставать из кармана свои сокровища. При виде использованной батарейки разбойник насторожился.

— Патрон? — не без опаски спросил он.

— Нет, батарейка. Только она незаряженная, — добавил Митя, чтобы оттянуть время и придумать, как утаить две копейки.

Казначей осторожно взял батарейку у Мити из рук, оглядел, понюхал и просипел:

— Атаман, у них неизвестное новейшее оружие.

— Стреляет? — поинтересовался Атаман.

— Не заряжено, — успокоил его Казначей.

Разбойники пустили батарейку по кругу, с благоговейным трепетом изучая её и качая головами.

Следом за батарейкой к грабителям переключались пара стикерсов, пружина, кусочек магнита, перо от древней ручки и злосчастный красный камешек. Последними Митя достал из кармана две копейки. Он с тяжёлым сердцем протянул их разбойнику, и вдруг ему в голову пришла спасительная мысль. Митя поспешно зажал денежку в кулаке и решительно заявил:

— А эту монету я оставляю себе, потому что Атаман не велел её брать.

— Как так?! — грабитель свирепо уставился на Митю.

— Тебе было приказано взять всё ДО последней монеты. Значит, последнюю монету не брать. Атаман не дурнее тебя и знает, что говорит. Правда? — Митя, расхрабравшись, уставился на Атамана.

Предводитель разбойников хотел было рявкнуть: «Нет!» — но вовремя спохватился. Это означало бы, что он глупее Казначея. Атаман молча вытаращил единственный глаз и, покраснев от натуги, задумался, что с ним бывало не часто, а потом набросился на помощника:

— Оставь мальчишке последнюю монету. Ты что, не слышал, что я сказал? Или думаешь, я дурнее тебя?

Митя с облегчением сунул монету назад и тут нащупал в кармане ещё какой-то кружок. На мгновение на его лице появилось озадаченное выражение, но этого было достаточно, чтобы разбойники насторожились.

— Гром и молния! А ну-ка покажи, что ты от нас утаиваешь? — рявкнул Атаман.

Митя достал из кармана чёрный кружок с черепом и костями, про который и думать забыл.

— Чёрная метка! — нестройным хором ахнули разбойники, хватаясь за пистолеты.

Мефодий, который давно дожидался подходящего момента, чтобы проявить чудеса храбрости, с криком «Один на всех и все на одного!» прыгнул на Атамана.

Тот от неожиданности отпрянул, понял, что сплеховал, выхватил нож и дико закричал:

— Зарежу! Выпотрошу!

Одноглазый громила бросился ловить Мефодия, но тот извернулся и ловко проскочил у здоровяка между ног. Не удержав равновесия, Атаман грохнулся на землю, носом пропахав заросли крапивы.

— Ой-ой-ой! — истошно завопил он и, поднимаясь на карачки, скомандовал: — В бой!

Вся шайка с ором и гиканьем принялась палить кто куда, решив, что пристрелить пленных они всегда успеют, а в сражении, чем больше шума, тем больше удовольствия.

Между тем Атаман выбрался из крапивы и кровожадно огляделся в поисках Мефодия. Увидев львёнка, он прицелился в него из лука и неистово заорал:

— Стой! Сейчас я тебя продырявлю! Как бабочку, на булавку наколю!

Митя не на шутку испугался за друга. Он рванулся изо всех сил и, выбравшись из смоляной лужи, с разбега толкнул разбойника в спину. Тетива зазвенела, стрела спикировала в поросшее осокой болотце, а Атаман опять растянулся на земле.

Пока главарь не опомнился, Митя подхватил Мефодия и скомандовал Авосе бежать. Они ринулись по тропе, но опоздали. Пути к отступлению были отрезаны. Озлобленные головорезы, размахивая оружием, окружили пленников тесным кольцом. Дело принимало опасный оборот.

— Пропали наши головушки. Где теперь прок от твоего умения превращать? — тихонько заскулил Авося.

И тут Митю осенило: Авося прав. Их могло спасти только волшебство. К счастью, и в слове

«бой», и в слове «мир» было по три буквы.

«Только бы успеть превратить „бой“ в „мир“, — подумал Митя и стал поспешно подбирать нужные буквы.

— Бой — рой... нет. Бой — вой... тоже нет. Бой — бор.

Неожиданно в воздухе запахло сосной, и берёзовая рощица, как по мановению волшебной палочки, превратилась в сосновый бор.

— Верно! — обрадовался Митя. — Бой — бор — мор — мир!

К счастью, он так быстро изменил слово «мор» на «мир», что никто не успел пострадать. Как только он произнёс волшебное слово, лица разбойников расплылись в улыбках и они смущённо попрятали оружие.

В это время из болотца выскочила лягушка со стрелой в лапке. Она обвела разбойников сердитым взглядом и строго спросила:

— Чья стрела?

Увидав говорящую лягушку, головорезы опешили от неожиданности.

— Моя, а что? — насторожился главарь.

— Квак это что? Посмотри на себя, Квазимода. Неужто ты думал, что я за тебя замуж пойду? — раскипятилась квакушка.

— Я ничего не думал, — оторопев от такой тирады, оправдывался Атаман.

— Вот-вот, и не думай, и не мечтай. Меньше, чем за царевича или кваролевича я замуж не пойду, — сердито квакнула лягушка, с презрением отшвырнула стрелу и снова скрылась в тине.

Некоторое время Атаман, выпучив глаз, смотрел ей вслед, а потом отёр со лба пот и с облегчением произнёс:

— Пронесло, клянусь шкурой! Это ж надо, чуть было на таком безобразии не женили! По такому случаю сегодня устроим гулянье. А пленных я мог бы хоть сейчас отпустить с миром!

Митя, Авося и Мефодий радостно переглянулись, но оказалось, опасность ещё не миновала. Разбойник с ухмылочкой обвёл их недобрым взглядом и заявил:

— Но вы нарушили приказ, поэтому придётся вас прикончить.

— Какой приказ? — упавшим голосом спросил Митя.

— Сюда не соваться. Или вам закон не писан? — сурово спросил Атаман, указав на корявую надпись на табличке.

— А они неграмотные, — язвительно хихикнул Казначей.

Мефодий так оскорбился за Митю, что не мог смолчать и возмущённо воскликнул:

— Это Митя неграмотный?! Да он самый грамотный на свете!

— Гром и молния! Правда, что ль? — с сомнением спросил предводитель разбойников, смерив Митю оценивающим взглядом.

— Угу, — скромно подтвердил Митя и с видом знатока добавил: — Здесь всё написано неправильно и не означает, что сюда ходить нельзя. Выходит, мы ничего не нарушали.

— Да ну? — удивился Атаман. — А что же там накалякано?

— Чепуха какая-то, — пожал плечами Митя.

Атаман грозно повернулся к Казначею и, обрушив на него увесистый кулак, рявкнул:

— Ах ты, проныра! Клянусь утробой! Провести меня надумал? Нашкрывал какую-то ерунду! Я тебе башку снесу.

Увидев, что Атаман хватается за саблю, Митя поспешно бросился на защиту Казначея:

— Подождите! Не надо сносить с него голову. Он очень старался и написал почти то, что вы хотели. Просто грамота — это как волшебство: нужно точно знать все правила, чтобы оно сработало.

— А ты знаешь? — Атаман недоверчиво прищурился.

— Конечно, я же учусь в школе, — с гордостью доложил Митя.

— Тогда ты должен раскрыть нам тайну этих правил, — приказал разбойник.

— Пожалуйста, — согласился Митя. — Только, чур, за это вы нас отпустите.

Атаман расплылся в улыбке, хлопнул Митю по плечу и пробасил:

— Разрази меня гром, если я не сделаю всё, что ты пожелаешь. Я чувствую, что мы подружимся!

Глава 18

ПЕЩЕРА АЛИ БАБЫ

Разбойники бодро потопали по тропе в гущу леса. Впереди шествовал Атаман, за ним — Митя с Мефодием и Авося. На этот раз львёнок не возражал, чтобы Митя нёс его на руках, потому что лес был совсем не приспособлен к тому, чтобы по нему ходили настоящие плюшевые львы: каждая ветка норовила либо зацепиться, либо преградить дорогу. Следом за друзьями шёл Казначей, а за ним гуськом шествовали остальные головорезы.

Постепенно лес становился всё мрачнее. Бурелом кончился, и путники ступили под сень вековых елей. Их раскидистые лапы, покрытые густым игольчатым мехом, не пропускали солнечных лучей, и в ельнике царили вечные сумерки. Густой ковёр из опавших иголок заглушал даже тяжёлую поступь разбойников. Теперь, когда не слышалось ни хруста валежника под ногами идущих, ни шагов, друзья заметили, что вокруг стоит зловещая тишина. Мите стало не по себе.

— По-моему, мы попали в настоящий дремучий лес. Тут даже птицы не поют, — в страхе прошептал он Мефодию.

В гробовой тишине его слова были хорошо слышны. Атаман обернулся и громко расхохотался.

— Задремали, вот и не поют. Недаром лес дремучий. Хочешь, я тебе спою вместо птичек? — он хитро подмигнул и кривляясь замахал руками, изображая пташку.

Меньше всего сейчас Мите хотелось перечить главарю разбойников и без надобности сердить его, поэтому он согласно кивнул:

— Хочу.

— Ну и странные у тебя желания! — расхохотался Атаман.

Казначей, слушавший разговор, зычно хихикнул. Услышав смешок, Атаман посерьёзnel и сердито обернулся к помощнику.

— Ты чего зубоскалишь? Или считаешь, что я плохо пою?

— Как же ты можешь петь? У тебя же слуха нету, — возразил Казначей.

— А зачем мне слух? Я ведь не слушаю, а пою, — заявил Атаман и, ударив себя в грудь кулаком, воскликнул: — Бьюсь об заклад, никто во всей шайке не умеет петь громче меня!

Авося, никогда не упускавший возможности ввязаться в спор, сразу же оживился.

— А спорим, умеет! — выкрикнул он.

— Спорим! На что? — с готовностью вызвался Атаман.

— Ты мне дашь золотой, — предложил Авося.

— А ты мне?

— А я тебе не дам.

— Идёт! — не раздумывая согласился разбойник и кивнул своей братии. — А ну запевай нашу любимую.

С душераздирающим подвыванием, которое должно было означать пение, он что есть силы завопил, а вся шайка нестройным хором затянула вслед за ним:

Как-то Соловей-разбойник

Дать концерт решил забойный,

Поголяла чтоб на славу

Вся разбойничья орава.

Всюду вывесил афиши.

Чтоб народ о нём услышал

И молва пошла по лесу,

Не забыл позвать он прессу.

На поляне собрались
Старый ворон-журналист,
Две сороки-репортёры,
Сто разбойников матёрых.

Весь оркестр был в ударе:
Волк играл на бас-гитаре,
Лис — на соло, а баран
Громко грянул в барабан.

Соловей-разбойник свистнул.
Словно сдуло гитаристов,
И ударник вверх ногами
Улетел на барабане.

А за ним неслась по лесу,
Потеряв все перья, пресса:
Две сороки-репортёры,
Журналист известный — ворон.

И умчались кувырком
Сто разбойников потом.
Так что, надо вам признаться,
Не дождался он оваций.

Разве это не обидно?

Ни души вокруг не видно!

Музыкант вздохнул: «Видать,

Им таланта не понять!»

Даже если кто-то дремал в дремучем лесу, то пение разбойников наверняка пробудило всю округу. Они горланили так, что еловые иголки сухим дождём осыпались на землю, но Мите это настроения не прибавило. У него на душе скребли кошки. Он боялся, что они свернули с дороги желаний и теперь могут вконец заблудиться.

— Как ты думаешь, это дорога желаний или уже нет? — тихонько спросил он у Авоси, пока головорезы были заняты тем, что пытались перекричать друг друга.

— Что у тебя за дурная привычка думать? Загадай желание, — посоветовал Авося.

Способ был настолько прост, что Митя удивился, как он не пришёл ему в голову раньше.

«Если уж мы идём в логово разбойников, то хочу увидеть пещеру Али Бабы», — мысленно пожелал он. Тропа тотчас же начала подниматься по горному склону, а потом и вовсе круто пошла вверх.

Лес поредел, а дорожка серпантинном запетляла между валунов и уступов. За очередным поворотом Митя увидел указатель. На стрелке значилось:

ПЕЩЕРА АЛИ БАБЫ

— Всё в порядке. Мы на правильном пути, — с облегчением вздохнул Митя, а Мефодий, по обыкновению, добавил:

— Верно говорится: тише лезешь — круче будешь.

Наконец тропа вывела путников на ровную площадку.

— Пришли, — объявил Атаман, стукнул каблуком по скале и скомандовал: — Сам-Сам, открой дверь!

Митя ожидал, что громадный камень тут же сдвинется с места, обнажив сокровища Али-Бабы, но ничего подобного не произошло. Скала стояла монолитом и не думала открываться. Разбойник постучал сильнее. Но и на этот раз слово-шифр не сработало. Впрочем, ничего удивительного: Атаман всё перепутал. Митя точно помнил, что нужно говорить «Сим-Сим», а никакой не «Сам-Сам». Он хотел было подсказать, но не мог и рта раскрыть, потому что Атаман разразился отборной руганью:

— Сам-Сам, чтоб тебя подняло и шмякнуло! Оглох, что ли? Сейчас я тут всё разнесу! А ну отвори дверь!

Каменная глыба нехотя поддалась и медленно поползла в сторону, а из расщелины выскочила живописная разбойница в кожаных брюках и высоченных сапогах, какие носят модницы. Её взлохмаченные волосы клоками торчали из-под бандана. На груди висела гирлянда из цепей разной толщины, а пальцы были унизаны серебряными кольцами с черепами. За поясом, будто сабля, торчала поварёшка. Разбойница сердито подбоченилась и визгливо закричала:

— Чего ты тут разорался? Дверь ему отвари. На что тебе варёная дверь? Ты бы ещё попросил окно поджарить.

В это время из-за её спины робко высунулся толстяк с красной, как свёкла, физиономией и, утирая пот со лба, жалостливо заканючил:

— Чуть что, Сам-Сам. Нашёл козла отпущения. А попробовал бы сам эту глыбу потягать.

— А ты молчал бы, пройдоха, — накинулась на толстяка разбойница и тут заметила чужаков. Вперившись в них взглядом, она сердито проговорила: — Ха! А это что за птенчики?

— Хищники, а не птенчики! — оскорбился Мефодий и, гордо выпятив грудь, уточнил: — По крайней мере некоторые.

Мите не хотелось начинать знакомство с ссоры, поэтому он как можно вежливее представился:

— Я — Митя, а это — мои друзья Авося и Мефодий, настоящий лев, — уточнил он, посмотрев на насупленную мордочку своего любимца.

Разбойница оценивающе оглядела всю троицу и нехотя процедила:

— А я — баба Аля. Или Аля-баба, кому как больше нравится, — неожиданно загоготала она и, так же внезапно оборвав смех, сурово прищурилась: — Моя это пещера, понятно? Небось видали там указатель?

— Я думал, что это пещера Али Бабы, — удивился Митя.

— Это пещера Али-бабы, или бабы Али, понятно? — грозно спросила разбойница.

— Угу, — кивнул Митя.

— То-то же, — горделиво приосанилась разбойница и прикрикнула на толстяка: — Эй, Сам-Сам, заснул, что ли, бездельник? Ну-ка поднапрягись! Открой дверь пошире, буду я тут ужом в щель лазить!

— А я думал, что в разбойничьей пещере дверь сама открывается, — робко вставил Митя, глядя, как Сам-Сам, пыхтя и упираясь ногами, трудится над глыбой.

— Как же, откроется она! Это только в сказках двери сами распахиваются. А у нас Сам-Сам, уж на что силой не обижен, и то её еле двигает, — недовольно проворчала разбойница.

— Наверное, ему надо помочь, — предложил Митя.

— Ещё чего! За тем его тут и держим, чтобы двери открывал, — возразила баба Аля, и разбойники шумно загалдели, поддакивая ей, а Атаман развязно вставил:

— Вот именно. Где это видано, чтобы разбойники сами пещеры отпирали? Нам положено гикнуть, крикнуть да приказать.

— Гляди-ка, расприказывался! И эти расшумелись! Ишь, распустились совсем! — Разбойница

сердито погрозила кулаком головорезам.

Кровожадные громилы присмирели, как овечки. Митя понял, что с бабой Алей лучше жить в мире, и тут ему в голову пришла очень хитрая мысль.

— А у нас для вас есть подарок, — сказал он.

— Подарок? Для меня? — опешила разбойница. Видимо, никто никогда не дарил ей подарков.

— Да, драгоценный камень. Красный, — уточнил Митя и добавил: — Он у Казначей. Мы отдали его на хранение.

Услышав это, Казначей выпучил глаза и, потеряв дар речи, точно рыба, открывал и закрывал рот.

— А ну гони мой подарок! Сейчас как дам половником, чтобы понимал хорошее обхождение!
— пригрозила ему разбойница, потянувшись за поварёшкой, торчащей из-за пояса.

Казначей торопливо достал из кошелька красный камешек и вручил его разбойнице.

— Вот твой подарок!

Схватив сокровище, разбойница зарделась от удовольствия, а потом расплылась в улыбке и по-приятельски подмигнула Мите.

— Слушай, ежели вас тут кто обидит, только скажи. У меня разговор короткий: оставлю без обеда. Голод — не тётка, сразу вежливость прошибёт. Их ещё учить да учить. Что с них взять? Грубияны, никакой культуры, — смачно сплюнула она и вытерла нос рукавом.

Атаман подошёл к разбойнице и примирительно сказал:

— Ладно тебе сердиться, ягодка. Мы ведь эту троицу за тем и позвали, чтобы поучиться.

— Это что-то новенькое! И чему же ты собираешься учиться, старый пень? — хохотнула разбойница Аля и ширнула Атамана в бок.

— Грамоте. Вот он — наипервейший грамотей. Знает все секреты правильнописания, — Атаман широким жестом указал на Митю.

Честно говоря, Митя знал ещё далеко не все секреты грамматики, но разуверять разбойника не стал.

— А зачем тебе грамота? — удивилась разбойница.

— Как зачем? Может, я втайне стихи пишу, — смущённо признался главарь.

— Врёшь! Про что?

— Про тебя. Вот к примеру:

Наша Аля быстро скачет

На хромой облезлой кляче.

Тише, Алечка, ведь вскачь

Не пускают старых кляч.

Разбойница помолчала от переполнявших её чувств, а потом смахнула рукавом скупую слезу.

— Сильно сказано. Так чего мы ждём? Давайте учиться прямо сейчас, — загорелась она.

Глава 19

ПРАВИЛЬНОПИСАНИЕ

Разбойники с жаром принялись за приготовления к уроку. Они понатащили булыжников, чтобы было где сидеть. Четверо громил под предводительством Сам-Сама прикатили огромный валун, гладкий с одной стороны, который вполне мог сойти за доску, а баба Аля принесла из очага уголёк для письма.

Когда всё было готово, великовозрастные ученики разместились вокруг Мити в ожидании объяснений. Лишь Казначей, который до сих пор слыл местным грамотеем, с оскорблённым видом уселся в сторонке, будто всё происходящее его не касалось.

Учить разбойников было делом ответственным. Прежде Митя давал уроки только своим игрушкам, да и то когда был маленьким, а теперь перед ним сидела целая шайка отчаянных головорезов. Митя заложил руки за спину, чтобы придать себе солидности, важно прошёлся перед притихшими разбойниками и, подражая своей учительнице, начал:

— Для того чтобы быть грамотными, надо знать правила, потому что слова не всегда пишутся так, как слышатся.

— Ничего подобного, — прервал его Казначей. — Если писать одно, а говорить другое, то слово будет расходиться с делом. Не слушайте его. Он вам навывдумывает правил, чтобы забить голову всякой ерундой.

— Грамматика — это не ерунда! Вот, например, безударные и ударные гласные, — возразил Митя.

— Ты нам про ударные расскажи. Они ведь посильнее будут, — вставил Атаман.

— Правильно, молодец, — кивнул Митя.

Разбойник расцвёл от похвалы и с видом превосходства посмотрел на своих менее толковых собратьев, а учитель продолжал:

— Прежде чем писать слово, надо безударную гласную поставить под ударение и проверить. Например, слышится «каты», а пишется «коты», — аккуратно вывел на доске Митя.

— Какая разница? Кот, он и есть кот, как его ни пиши, — пожал плечами Казначей.

— Вот именно, «кот». Под ударением будет «о». Понятно? — пояснил Митя.

— Чего там не понять? Чтоб было правильно, главное, как следует ударить, — гоготнула разбойница и размахнувшись двинула сидящего рядом Атамана в бок, тот отвесил затрещину соседу, сосед передал оплеуху дальше, и скоро завязалась такая потасовка, что урок

пришлось на время прекратить.

Когда разбойники наконец утихомирились, многочисленные синяки, ссадины и шишки свидетельствовали о том, что ударение они усвоили.

— Разрази меня гром! Я и не знал, что учиться грамоте так интересно! — воскликнул Атаман, и все дружно загалдели, поддерживая своего главаря.

Только Казначей никак не мог смириться, что чужака признали грамотнее его.

— С ударением или без ударения, а у меня написано правильно! Чаща, она и есть «ЧЯЩЯ», — вывел он на доске и ехидно спросил: — Или, может, вместо «чящя» надо «чощо» писать?

— Никакое ни «чощо», а «чаща», — исправил Митя и пояснил: — «ча» и «ща» пишутся через букву «а». Например, «щас уже час».

— А что такое «щас»? — поинтересовался Авося.

— Это значит теперь, — ответил наипервейший грамотей. Вообще-то ему самому показалось, что с этим словом что-то неладно, но он решил подумать об этом в другой раз, когда не будет учителем.

Мефодий тоже захотел внести свою лепту в обучение разбойников и важно вставил:

— Как говорится: «Дело — бремя, а потеха щас».

— Хорошая поговорка, — одобрительно сказал Атаман и скомандовал своим подопечным: — Вы что, оглохли? Дела в сторону! Сейчас начнётся потеха.

Не дожидаясь повторного приглашения, разбойники повскакивали с мест. Честно говоря, Митя был рад, что урок закончился.

Атаман дружески похлопал учителя по плечу.

— А ты не промах, умеешь объяснить, что к чему. За это я выполню всё, что ты пожелаешь. Хочешь, подарю тебе гайку? — проявляя необычайную щедрость, предложил он.

— Зачем? — не понял Митя.

— Я нашёл, а мне она не нужна и выбросить жалко.

— Нет, мне гайка тоже не нужна.

— Тогда возьми что-нибудь другое. У меня в пещере полно всякого хлама, от которого я не знаю, как избавиться, — уговаривал разбойник.

— Спасибо, но мне ничего не нужно, — отказался Митя.

— Тогда давай устроим пир. Разрази меня гром, если кто-нибудь готовит лучше, чем наша Аля! — не унимался Атаман.

Его затея пришлась всем по вкусу, и разбойники одобрительно загалдели. Митя и Авося переглянулись. Путь был долгий, и, хотя время от времени им перепадали то леденцы, то ириски, подкрепиться хорошенько не мешало. К тому же Мите было интересно побывать на настоящем разбойничьем пиршестве.

— Пожалуй, неплохо бы перекусить, — сказал он. — А заодно у нас будет время подумать, куда идти дальше.

Главарь широко улыбнулся и пробасил:

— Конечно, соображать лучше не натошак. Эй, Аля! Спроворь нам чего-нибудь эдакого, чтобы лучше размышлялось, — предложил главарь банды, потирая руки в предвкушении трапезы.

— Это можно. Ради таких учёных гостей я готова расстараться, — сказала разбойница и озорно подмигнула Мите.

Глава 20

ВЕЛИКАЯ КУЛИНАРКА

В ожидании обеда разбойники повалили в пещеру. Митя, Авося и Мефодий последовали за ними. Жилище разбойников представляло собой удивительное зрелище. С потолка гигантскими сосульками свешивались сталактиты, а из пола острыми зубьями торчали сталагмиты. Кое-где они соединялись и образовывали причудливую перегородку, делившую пещеру на две части. Судя по разбросанным соломенным тюфякам и тряпью, одна из них служила спальней.

В центре другой стоял грубо сколоченный стол, заваленный горой грязной посуды.

— Ой-ой-ой, эти тарелки за полдня не перемыть. Мама говорит, посуду надо мыть сразу, — покачал головой Митя.

— Провалиться мне на этом месте! Неужели твоя мама моет посуду? — удивилась разбойница.

— Конечно.

— Да у неё, видать, с черепушкой не всё в порядке! — воскликнула разбойница. — Только псих станет возиться с посудой после обеда, когда тарелки уже не нужны. А перед обедом, если посуду не мыть, можно в чистую тарелку поиграть.

— Как это? — заинтересовался Митя в надежде, что предложит эту игру маме.

— Очень просто. Кто найдёт самую чистую тарелку, тот победил и может есть из нее, — пояснила разбойница.

— А проигравшие моют посуду? — с тоской спросил Митя.

— Это ещё зачем? Чего доброго, так все тарелки переколотишь!

— Нет, маме такая игра не понравится, — покачал головой Митя.

— Взрослые вообще не умеют получать от жизни удовольствие, — вставил своё слово Авося.

— Какое же удовольствие есть и кашу, и суп, и кисель из одной посуды? — вступился за маму Митя.

— От еды вообще никакого удовольствия. Пустая трата времени, — проворчал Мефодий.

Между тем разбойники, не теряя времени даром, столпились возле огромного бочонка и устроили там небольшую потасовку, просто для разминки. Пока они награждали друг друга тумаками и тычками, хозяйка пещеры занялась приготовлением еды, пригласив Митю с друзьями посидеть возле очага.

Митя очень любил смотреть на пляску огня в костре. Поленья переливались золотом, словно драгоценные слитки. Языки пламени вздымались вверх, облизывая тёмные от копоти бока чугунного котла. Возле него, будто огненные мошки, летали искры. Тихое потрескивание дров смешивалось с бульканьем кипящей воды в котле.

На стене гирляндами висели связки чеснока, лука и перца. Под ними стояла объёмистая кадка с солью и мешки с крупами, но больше всего Митю удивило, что на полке, подле очага, выстроились в ряд книги о вкусной и здоровой пище. Кто бы мог подумать, что разбойница интересуется рецептами! Митя указал на толстенную «Кулинарию» в коричневом переплете и сказал:

— У мамы есть точь-в-точь такая же. Она всегда берёт поваренную книгу, когда хочет приготовить что-нибудь вкусненькое.

— Понятное дело, чтобы блюдо удалось, хозяйка перво-наперво должна взять поваренную книгу, — согласилась разбойница, достала с полки «Кулинарию» и с улыбкой забросила её в кипящий котёл.

— Ой! Зачем вы её положили в кипяток?! Она ведь испортится! — воскликнул Митя, но повариха спокойно возразила:

— Заткнись, коли ничего не смыслишь в готовке. Сам же сказал, что твоя мама берёт поваренную книгу, а не сырую. Вот и я её варю.

Митя промолчал. Да и что возражать, когда спасти безнадежно испорченную книгу было поздно.

Между тем разбойница продолжала колдовать над котлом. Она бросила туда по пригоршне разных круп и, довольно потирая руки, сказала:

— Эх, люблю заварить кашу!

— А кто её потом будет расхлёбывать? — мрачно спросил Авося.

— Это на любителя, — парировала хозяйка.

Митя сразу понял, что он явно не любитель такой каши, и угрюмо пробурчал:

— А мама всегда варит кашу из одной крупы.

— Это потому, что у неё не хватает воображения. Вот мой прадед варил кашу даже из топора, — похвалилась разбойница.

— Он был солдатом? — спросил Митя.

— Да. Значит, ты про него слышал?! — обрадовалась повариха и, помешивая варево, добавила: — Он был не промах! Мировой старикан. Умение готовить мне досталось от него. Я тоже люблю сдобрить кашу всякой чепухой. Эй, пошарьте-ка там в углу. Сковороды не видать? — Она озадаченно огляделась.

Скоро пропаша была обнаружена за веником, который, видимо, стоял в углу просто для украшения, потому что успел зарости паутиной. Из-под сковородки выскочила мышь и, недовольно пискнув, снова юркнула за веник. Разбойница невозмутимо налила в сковороду растительного масла и, поставив её на огонь, стала бросать туда яблочные огрызки, картофельные очистки, морковную ботву и прочие отходы.

— А это зачем? — брезгливо поморщился Митя. — Чепуха какая-то!

— Не какая-то, а та, которую жарят на постном масле. Тогда она получается питательнее, — объяснила хозяйка и под удивлёнными взглядами друзей вывалила содержимое сковороды в котёл, где уже варилась каша из поваренной книги.

Чем ближе к концу подходила готовка, тем меньше Мите с Авосей хотелось испробовать шедевр кулинарии. Не замечая этого, хозяйка всю хлопотала возле очага, пытаясь угодить гостям.

— Надеюсь, вы любите поострее? Острые блюда мне особенно удаются, — похвасталась она.

Митя из вежливости кивнул, и тут у него глаза полезли на лоб от удивления, потому что незадачливая повариха тотчас сыпанула в котёл пригоршню иголок и булавок.

— По-моему, есть это блюдо опасно для здоровья, — мрачно сказал Митя.

— Да. Век живи — век лечись, — кивнул Мефодий, большой знаток народной мудрости.

— Глупости! Главное, всем как следует насолить. Тогда никто не скажет, что он ушёл из-за стола несолоно хлебавши, — заявила хозяйка, высыпала в котёл полмешка соли и позвала: — Эй, вы, все к столу!

Разбойники, распахивая друг друга, похватили грязные тарелки и уселись в предвкушении обеда. Когда повариха черпаком положила каждому своё кулинарное чудо, они на некоторое время потеряли дар речи и лишь молча разглядывали непонятную массу, из которой торчали булавки и куски коленкора от книжной обложки.

Первым пришёл в себя Атаман. Он выудил из своей тарелки неизвестно откуда взявшуюся там подмётку и спросил:

— Что это ты приготовила?

— Что надо. Вы ведь собирались за обедом поразмыслить, вот вам и пища для размышлений.

— Я всегда говорил, раздумья к хорошему не приведут, — заметил Авося, а Митя робко поинтересовался:

— А почему эта пища для размышлений?

— Потому что прежде чем её есть, надо крепко подумать, стоит ли.

— По-моему, тут и думать нечего. Не стоит, — уверенно заявил Митя.

— Тогда я попотчую вас жареным бараньим боком, — пообещала разбойница.

— Вот это дело! — поддержали её разбойники.

— А потом свиными отбивными и копчёным окороком, — продолжала повариха.

— Здорово! — отозвались все.

— А ещё клюквенным киселём, простоквашей, шоколадным тортом, пирогами с курагой...

Всё это звучало довольно заманчиво, и Митя удивился, почему бы ей сразу всё это не приготовить. Он как раз хотел об этом спросить, когда Атаман зычным голосом воскликнул:

— Эй, да ты опять кормишь нас обещаниями!

— Мы ими уже сыты по горло! — на разные голоса возмущённо закричали разбойники.

— Что ж, если вы признаёте, что сыты, то обед окончен, — от души рассмеялась разбойница.

— Ничего себе обед. Не успел начаться и уже кончился, — недовольно проворчал Авося.

— Это потому, что всё хорошее быстро кончается, — без тени смущения заметила повариха.

И тут Митя с ужасом вспомнил, что его время в Игрландии ограничено, а он уселся пировать и совсем забыл про папину рукопись.

— Ой, мы ведь так и не узнали, как увидеть всё в другом свете, — спохватился он.

Разбойники озадаченно переглянулись.

— В каком другом? Впотьмах, что ли? Тогда вы вряд ли что разглядите, — мотнул головой Атаман.

— Не в потёмках, а совсем наоборот. Я хочу, чтобы папа всё видел не в мрачном свете, а в другом. Тогда он напишет интересную книжку, — объяснил Митя.

— Есть у меня один дружбан — большой специалист по свету. Настоящий морской волк. Он вокруг света не один раз мотался, даже до края добрался, — с гордостью похвалился разбойник.

— А где его найти? — с неподдельным интересом спросил Митя.

— Возле моря, где же ещё. С гор спуститесь, и краем леса дня за три можно дойти.

— Это слишком долго, — огорчился Митя.

— Не волнуйся, нас же трое, поэтому мы дойдём вдвое быстрее. За сутки управимся, — успокоил его Авося.

— Ты думаешь? — Митя с сомнением посмотрел на магистра чародея.

— Вот ещё! Чего тут думать, надо идти, — фыркнул Авося.

— Нет, сутки — это тоже слишком долго, — вздохнул Митя, и тут ему в голову пришла ужасно научная мысль, и он воскликнул: — Послушайте, ведь земля крутится!

Разбойники прислушались, но ничего подозрительного не услышали.

— Если земля и крутится, то только когда переберёшь лишку из бочонка с ромом. А в другое время она стоит на месте как миленькая, — усмеялся Атаман и для верности потопал ногами.

— Да нет же! Это нам кажется, что она стоит. А на самом деле она вертится, и все мы вертимся вместе с ней, — возразил Митя.

— Враки. Вот когда мы на ярмарке на карусели катались, тогда было верчение! — возразил Казначей.

— Ничего не враки, — неожиданно поддержала Митю разбойница. — Я вам, балбесам, давно толкую, что целый день верчусь как белка в колесе, а вы не верите.

Она сжала кулаки и стала воинственно наступать на Атамана. Митя решил предоставить разбойникам самим разбираться, кто прав. Он подхватил Мефодия и, подозвав Авосю, заговорщически произнёс:

— Кажется, я сделал ещё одно научное открытие. Если подпрыгнуть и подождать, пока земля прокрутится, то потом можно опуститься там, где надо. Важно только не пропустить нужное место, потому что земля крутится очень быстро.

Это открытие стоило опробовать. Митя покрепче прижал Мефодия, загадал желание, и они с Авосей, взявшись за руки, как можно выше подпрыгнули.

Глава 21

МОРСКОЙ ВОЛК

В Игрландии новое научное открытие сработало на славу. Митя с друзьями и охнуть не успели, как очутились на морском берегу.

Нескончаемый голубой простор тянулся до самого горизонта. Лёгкий бриз игриво порхал над водой, то собирая лазурный шёлк моря в мелкие морщинки, то пуская его крупными фалдами волн. Мишура солнечных бликов поблескивала на волнах, которые, подгоняя друг друга, катились к берегу и лизали жёлтый песок влажными языками.

Время от времени из глубины выныривали пенные барашки и, оседлав волны, мчались к берегу, но, так и не добравшись до суши, терялись в морской пучине.

Недалеко от берега, возле старенького деревянного пирса, мирно покачивалась на волнах выдавшая виды шхуна. Убранные паруса, точно колбасы, покоились на реях. На палубе, свесив хвост, сидел грузный тюлень в тельняшке и чинил сети.

Друзья подошли по деревянным мосткам к кораблю, но ластоногий моряк, не обращая на них внимания, невозмутимо продолжал своё занятие.

— Уважаемый тюлень, — окликнул его Митя, стараясь быть вежливым.

Видимо, тюленя не обучали правилам хорошего тона, потому что он и ухом не повёл.

— Может, он глухой? — предположил Авося и крикнул погромче: — Эй там, на палубе.

На этот раз тюлень повёл ухом и, нехотя подняв голову от работы, проворчал:

— Чего разорались? Я не глухой.

— Мы думали, вы не слышите, как мы вас зовём, — сказал Митя.

— Меня вы не звали, — сердито отрезал тюлень.

Он был явно не в настроении, но Митя решил не обращать на это внимания.

— Вы, случайно, не морской волк? — спросил он.

— Нет, я морской лев, понятно?

— Вот это да! Ты — морской лев? А я — сухопутный. Значит, мы родственники, — обрадовался Мефодий, сразу же на правах родства переходя на «ты».

Уставившись на Мефодия, тюлень пристально осмотрел его, а потом недовольно пробурчал:

— Вот как? В таком случае объясни это тупицам, которые пришли с тобой. Тамбовский волк им тюлень.

— Кто тут поминал тамбовского волка?! — раздался сиплый рык, и из рубки появился Волк. Он выглядел, как заправский моряк. Китель с блестящими медными пуговицами и капитанская фуражка с кокардой красноречиво говорили о том, что он тут главный. Волк оглядел пришедших и хриплым голосом просипел:

— Был тамбовский, да весь вышел. Теперь я — Морской Волк.

— Вот здорово! А мы вас ищем. Говорят, вы большой специалист по свету, потому что обошли его вдоль и поперёк.

— Это верно, — самодовольно улыбнулся Волк.

Он достал трубку, как и подобает капитану, не спеша раскурил её и, затянувшись, закашлялся. Прочистив горло, Морской Волк обратился к Мите:

— Ну что, салага, юнгой пришёл наниматься?

— Нет. Я хочу, чтобы вы рассказали, как можно увидеть всё в другом свете. Это нужно для папы, чтобы у него получилась интересная книжка, — объяснил Митя.

— Понятно. Значит, твой папаша писака? Это дело, — попыхивая трубкой, одобрительно кивнул Волк. — У меня за время плавания баек накопилось, что сельдей в бочке. На сто книжек хватит с гаком. Эй, боцман, сбрось трап для этих салаг, — приказал он тюленю.

Митя ступил на верёвочную лестницу и стал подниматься на палубу настоящей шхуны, чувствуя себя отважным покорителем морей. Волны бились о борт, обдавая лицо солёными брызгами, и Митя понял, что он обязательно будет капитаном, конечно после того, как станет писателем, художником, автомехаником, укротителем и полицейским.

Скоро все гости поднялись на палубу. Морской и сухопутный львы по-родственному обнялись и удалились побеседовать о делах семейных. Им было что порассказать друг другу.

Авося разлёгся в шезлонге и, нежась на солнце, задремал под рассказ Морского Волка. А Митя с замиранием сердца ловил каждое слово.

— Как сейчас помню, попали мы в Красное море, — начал рассказчик. — Скажу не ради красного словца, что народ у нас бывалый, а там всех оторопь взяла. Уж на что я не робкого десятка — и то струхнул. Веришь ли, всё аж до горизонта красным-красно. А море так и бурлит, так и пенится. Плывём, как в клюквенном морсе. Ну, думаю, видать, тут великая сеча была. Сначала хотел было задний ход дать, а потом решил: нет, где наша не пропадала. Да ещё боцман закидывает удочку: как, мол, насчёт того, чтобы рыбы наловить. Не зря же мы сюда притащились. Он у нас большой охотник до рыбки. Мне-то что? Лови. Поплавок — дёрг, он — тащить: ни наживки, ни рыбы. Боцман опять закинул. Та же история. И так раз пять. Потом глядим, рыба выныривает — вся, как есть, красная. Я боцмана в бок толк, гляди, мол, рыба-то красная, а она, вишь, усмехается во всю свою бесстыжую рыбью пасть. Это, говорит,

я за вас краснею, что рыболовы вы никудышные. Во как оно бывает.

— Неужели в Красном море вода красная? — удивился Митя.

— А то? По берегу аборигены бегают, и те краснокожие. Хочешь верь, хочешь нет. Все девицы красные, что тебе вишня.

— Я и не знал, — покачал головой Митя.

— Ты ещё много чего не знаешь, салага. Вон в Жёлтом море, и смех и грех, все рыбы жёлтые, точно у них желтуха. Видать, от воды покрасились. А туда же! Каждая кичится, что она золотая.

— Выходит, в Белом море и вода, и рыбы белые? — недоверчиво спросил Митя.

— А какие же ещё! Одни белуги. Затаятся, что тебе заяц в снегу. А вечером у них там танцуйки. Соберутся и давай хвостами крутить. И ведь что примечательно: танцы у них тоже сплошь белые.

— Разве танцы могут быть белыми? — раскрыв рот от удивления, спросил Митя.

— А то нет! Ты у мамы своей спроси: могут или не могут, — проворчал капитан. — Я тебе больше скажу. В Белом море островитяне говорят сплошь белыми стихами.

— Как белыми стихами? — не понял Митя.

— Ну без рифмы, значит, — пояснил Волк и добавил: — Правда, один раз мы всё-таки чуть было не напоролись. Плывём, значит, точно по лоцманской карте, и вдруг — на тебе — опасные рифмы.

— Опасные рифы, — робко поправил рассказчика Митя.

— Да нет же, опасные рифмы. И главное, где?! В Белом море, где рифм отродясь не бывает. Ну пришлось нам, конечно, попотеть, ведь, чтобы их пройти, надо ко всем пару подыскать. А то бы, как пить дать, потонули. Отправились бы кормить белых акул. Зато после этого случая наш повар к стихам пристрастился. Так наострился рифмы составлять — что тебе поэт. Хочешь послушать?

— Угу, — кивнул Митя.

— Эй, Кок, где ты там? — хрипло крикнул Волк и доверительным полусшёпотом объяснил: — Он у нас англичанин. Кок по фамилии.

Из кубрика появился петух в поварском колпаке, лихо сдвинутым набекрень, и на вытяжку встал перед капитаном.

— Ну-ка сочини нам чего-нибудь для души, — ухмыльнулся Волк.

Кок поглядел на волны, потом воздел глаза к небу, задумчиво отбивая ногой ритм, и наконец продекламировал:

Русалке продал расторопный матрос

Отличный шампунь для нормальных волос.

Пригоршню жемчужин она заплатила

И, волосы вымыв, сказала: «Как мило!»

Здоровье, естественный блеск, красота!

А что вы предложите мне для хвоста?»

В бинокль он глянул на хвост серебристый

И крикнул: — Возьми для хвоста рыбчистку!

— Ха! Видал? Шпарит, как по-писаному! — довольно захлопал в ладоши Волк и усмехнулся:
— Не поверишь, он нас теперь кормит и то в рифму.

Не успел Митя поинтересоваться, как можно кормить в рифму, как Кок, не дожидаясь вопроса, отпрапортовал:

— Котлеты — галеты. Конфеты — паштеты. Суфле — желе и крем-брюле. Картофельный суп — запеканка из круп. Молочная каша и к ней простокваша.

— А жареная курица? — спросил Митя, который очень любил это блюдо, но никак не мог подобрать к нему рифму.

Видимо, Коку это тоже не удалось, потому что он вдруг осёкся и, сердито вращая глазами, уставился на Митю. Позвякивая шпорами, он зарёб по палубе ногами и, взъерошив перья, с криками — Варвар! Дикарь! Куроед! — стал наступать на Митю.

— Прости, я хотел сказать совсем не то. Я и не думал есть курицу, это просто для рифмы, — лепетал Митя, пятась от разъярённого повара.

Увидев, что друг в опасности, Мефодий храбро бросился на его защиту, и они с петухом схлестнулись в не виданном доселе петушино-львином бою. Кок сшиб Мефодия крыльями, намереваясь затоптать, но львёнок вовремя ухватил обидчика за хвост.

— Отпусти, поко-ко-колочу! Я нис-ко-колько не шучу! — крикнул петух, кидаясь из сторону в сторону, чтобы сбросить наглеца, но не тут-то было.

Если бы за бортом шхуны не плескалась вода, может быть, Мефодий не держался бы за перья так цепко, но так как оказаться в море ему хотелось гораздо меньше, чем на хвосте у противника, то он ухватился мёртвой хваткой.

Забыв про опасность, Митя тоже бросился в драку. Не известно, чем бы всё это кончилось, если бы не вмешался капитан.

— Отставить потасовку! — зычно гаркнул он.

Когда все успокоились и Кок опять отправился в кубрик, Митя с облегчением сказал:

— Я испугался, что хорошим это не кончится.

— Посмотрел бы я на тебя, если бы ты оказался в Чёрном море, течь тебе в борт. Вот где ужас-то. Каждый день, что ни возьми, чёрный. И мысли какие-то чёрные в голове копошатся. Мы там даже швартоваться не стали. Быстренько сделали своё чёрное дело и назад.

— А какое чёрное дело? — спросил Авося, вылезая из-под брезента, где он сидел во время драки.

— Как какое? Чёрной краски набрали. Кто же будет делать за нас эту чёрную работу?

— Так вы собираете по морям краску? — удивился Митя.

— Конечно. А ты думаешь, она в магазине на прилавке растёт? — хрипло рассмеялся Волк.

— А синюю краску вы здесь берёте? — спросил Митя.

— Нет. Разве это краска? Водича. Синюю краску мы набираем у самого синего моря, — сказал Волк и, поглубже затянувшись из трубки, добавил: — Хорошо, что напомнил. Надо не забыть бабке корыто привезти, она уж давно заказывала. У неё теперь с Золотой рыбкой нелады.

— А зелёную где берёте? Ведь зелёного моря нет, — не унимался Митя.

— Это уже не по нашей части. Наше дело — краски привезти. А там торговцы сами химичат. Говорят вроде жёлтую краску с синей мешают, и получается зелёная. Не знаю, может врут, — с сомнением покачал головой Морской Волк.

— Нет, это точно. А если смешать жёлтую с красной, то получится оранжевая, — подтвердил Митя.

— Зачем её мешать? Мы оранжевую прямиком из Оранжевой реки возим, — возразил Волк.

— А куда вы возите краски? — живо заинтересовался Митя.

— Вестимо дело, на ярмарку красок. Там их тьма-тьмущая, — ответил капитан.

Митя вдруг почувствовал, что они находятся на правильном пути. Он был уверен, что на этой замечательной ярмарке найдётся что-нибудь для папы. Во всяком случае, если принести из Игрландии немножко волшебных красок, то бесцветных героев можно будет раскрасить. А может, даже удастся узнать, как увидеть мир не в мрачных тонах, а в ярких красках.

— Вы нам подскажите, как попасть на ярмарку? — попросил Митя.

— Смотря на какую. Ярмарок-то много, — просипел Волк.

— На самую главную.

— Туда, где тьма-тьмущая красок, — подтвердил Авося, которому не терпелось отправиться дальше.

— А сюда вы как попали? — вопросом на вопрос ответил Волк.

— Ну, во-первых, я маг, — скромно сказал Митя. — А во-вторых, сделал научное изобретение.

— Ну тогда для вас это раз плюнуть, — сказал Морской Волк, с уважением поглядев на Митю, и добавил: — Стоит только пожелать, дунуть, плюнуть — и вы там.

Митя, Авося и Мефодий попрощались с моряками и взялись за руки.

— Хотим на ярмарку, где видимо-невидимо красок, — пожелал Митя, дунул, плюнул и ...

Митя глядел во все глаза и ничего не видел. То есть совсем ничего. Кругом была непроглядная тьма.

— Называется, увидели всё в другом свете, — мрачно сказал Мефодий.

— Интересно, куда это нас занесло? — с опаской спросил Митя.

— Туда, куда ты хотел, — буркнул Авося.

— Я ведь хотел на ярмарку, где красок видимо-невидимо, — возразил Митя.

— Конечно, невидимо в такой темнотище, — согласился Мефодий.

— Всё оттого, что кое-кто даже пожелать толком не умеет, — ехидно вставил Авося.

— Значит, я кое-кто, а ты нет! — обиделся Митя. — Сам заладил: «Тьма-тьмущая красок, тьма-тьмущая красок», — передразнил он магистра чародея.

— А тебя никто не заставляет меня слушать, — вступил в спор Авося.

Назревала нешуточная ссора, и Мефодий решил, что ему следует вмешаться.

— Если вы будете ругаться, то ничего хорошего из этого не выйдет. Не лучше ли отправиться ещё куда-нибудь? Мало ли интересных мест на белом свете! На этой ярмарке свет клином не сошёлся, — попытался он примирить Митю с Авосей.

— Нет, сошёлся! — упрямо топнул ногой Митя и добавил: — И я хочу пролить свет на это дело!

Тотчас мощный луч клином вонзился в темноту. Не успели друзья опомниться, как всё вокруг было залито ярким, солнечным светом. У них зарябило в глазах от разноцветных палаток, киосков и лотков. Это была не просто ярмарка, а целый город красок. Яркие магазинчики пестрели красками всех видов и оттенков. В витрине одного павильона штабелями лежали тюбики с масляной краской, в другом продавались всевозможные фломастеры, а в третьем — карандаши.

Увидев на прилавке коробочки с пастелью, Митя похвалился:

— А у меня дома тоже есть пастель. Я уже умею ею рисовать.

Авося недоверчиво покосился на друга и, не удержавшись, съязвил:

— А диваном или креслом не пробовал? Постелью он рисует!

— Да не постелью, а пастелью. Это вроде карандашей, — Митя указал на витрину.

— Ты меня не путай. Я сам знаю, что к чему, — сказал Авося с видом человека, который знает, что такое постель и для чего она существует.

Митя решил промолчать, поняв, что спорить бесполезно.

Они прошли дальше, мимо огромного магазина, где торговали ведёрками с краской для пола, потолка, окон и дверей. В следующем павильоне продавалась акварель, а чуть дальше — гуашь.

— Интересно, где тут продаётся краска для портретов? — с умным видом огляделся Мефодий.

— Краски для портретов не бывает, — улыбнулся Митя.

— Ещё как бывает! — возразил Мефодий. — Ты рисуешь портреты неправильной краской, поэтому их не вешают в музее.

Отчасти Мефодий был прав: картинки, нарисованные цветными карандашами, в музеях не выставляли. Митя ходил с родителями в картинную галерею и видел, что почти все картины там написаны масляными красками. Но сам он ещё не дорос до персональной выставки, потому что пользоваться тюбиками с маслом и палитрой пока не умел.

— Когда я вырасту, обязательно научусь рисовать маслом, — вслух решил он.

— По-моему, у некоторых с головой не всё в порядке. Маслом можно только жирные пятна ставить, когда на нём жаришь, — проворчал Авося.

— А по-моему, у некоторых ругательное настроение, и они хотят поссориться, — сказал Митя.

— Вовсе нет! — мгновенно возразил Авося. — Просто мы ходим, ходим, а ты так ничего и не выбрал.

— Это оттого, что тут ничего не подходит. Разве эти краски помогут папе? Ему нужна какая-то волшебная краска, но я не знаю, где её искать. Может, её не существует, — вздохнул Митя, у которого от обилия красок голова шла кругом.

И тут он увидел примостившуюся между большими праздничными павильонами крошечную лавчонку, на которой было написано:

ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

только для писателей

Митя боялся поверить в такую несказанную удачу.

— Это ведь как раз то, что нам нужно, — с трепетом произнёс он и толкнул дверцу.

Внутри стоял полумрак. Свет едва проникал через небольшое оконце, затянутое паутиной. Видимо, дела в магазинчике шли хуже некуда. Прилавок был покрыт густым слоем пыли. Тут не было не только что цветов радуги, а вообще ни одной, даже самой заваливающей краски. Митя приуныл и разочарованно развёл руками.

— Как всегда. Именно того, что нужно, нет.

— Смотри, что тебе нужно, — донеслось из полутёмного угла, и друзья заметили, что они не одни.

В магазинчике было ещё три человека. Выглядели они, как иностранцы, но все трое были совершенно не похожи друг на друга.

Один, с холёными руками и манерами аристократа, был одет в смокинг и прикрывал лицо венецианской карнавальной маской.

У другого, напротив, было открытое загорелое лицо и крепкая, мускулистая фигура. На нём была клетчатая рубашка и брюки из прочной холщовой ткани, а на ногах — туристские ботинки на толстой ребристой подошве.

Третий незнакомец кутался в чёрный плащ. Он держался в тени и так низко надвинул на лоб широкополую шляпу, что лица было не разглядеть.

Вся троица угрюмо сидела перед плакатом с надписью:

КАЖДЫЙ ОХОТНИК

ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ,

ГДЕ СИДИТ ФАЗАН.

— Так зачем вы сюда пожаловали? — унылым голосом переспросил человек в маске, скользнув по вновь прибывшим взглядом.

— Я думал, что найду тут краски для писателей, — оробев, пожал плечами Митя.

Иностранцы с нескрываемым интересом уставились на друзей.

— Значит, ты писатель? — обрадовался загорелый.

— Пока ещё нет, — честно признался Митя.

— В таком случае вы охотники?

— Нет, — хором сказали Митя и Авося, а Мефодий, который старался не забывать, что он хищник, как бы невзначай заметил:

— Смотря кто.

— Я уж точно не охотник, — сказал Митя. Он не любил охоту, потому что считал, что нельзя убивать зверюшек.

— Тогда незачем отрывать страшно занятых людей от дела, — раздражённым полушёпотом проговорил человек в плаще.

— Для меня загадка, как можно шататься без всякой цели, — презрительно фыркнул человек в маске.

Все трое опять погрузились в созерцание плаката, словно никого, кроме них, тут не было.

«Чего это они разозлились?» — подумал Митя, а вслух сказал:

— У нас есть цель. Нам нужны краски. На вывеске было написано, что тут продаются все цвета радуги, вот мы и зашли.

Таинственная троица снова поглядела на друзей, и тот, что кутался в плащ, мрачно заметил:

— Какой ужас! Они попались на ту же удочку, что и мы.

— А что с вами случилось? — спросил Митя.

Иностранцы переглянулись, и человек в маске пояснил:

— Видите ли, дело в том, что все мы — охотники.

Митя раскрыл рот от удивления. Уж если кто и выглядел, как охотник, то, конечно, не этот господин с бабочкой, манерно державший позолоченную маску. Между тем незнакомец интригующим тоном продолжал:

— Я сеньор Дэтэктиво, большой охотник до загадок и загадочных историй.

— А я — охотник до приключений, месье Авантюр, — отрапортовал загорелый и обменялся с каждым из вновь прибывших энергичным рукопожатием.

— Должен сказать, вам страшно не повезло, что вы попали сюда, хотя я ужасно рад знакомству, — зловеще прошептал третий и, поклонившись, представился: — Охотник до страшных рассказов, мистер Триллер.

— Если вы охотники, то шли бы на охоту. Чего ради тут сидеть? — без обиняков спросил Авося.

— Ради того же, что и вы. Каждый из нас желает стать настоящим писателем. Мне нужны краски поярче, чтобы расцветить свои приключенческие рассказы, — признался господин Авантюр.

— А мне — позагадочнее, чтобы напустить туману, — сказал Дэтэктиво.

— А мне — помрачнее, чтобы сгустить краски. Но все мы попали в страшно неприятную историю. Мы увидели этот ужасный плакат, и теперь каждый из нас желает знать, где же сидит этот злосчастный фазан, — зловеще прошипел Триллер.

— Более того, чтобы получить краски, мы должны разгадать, как его поделить. Разве это не головоломка? — подхватил Дэтэктиво.

— И теперь, вместо того, чтобы искать приключения на собственную голову...

— ...каждый день ровно в полночь мы собираемся здесь...

— ...чтобы решить эту загадку. Но до сих пор нам это не удалось, — проговорили они каждый в свою очередь.

— Разве сейчас полночь? — удивился Митя.

На улице светило солнце. День был в самом разгаре.

— Страш-ш-шно засиделись, — леденящим душу шёпотом сказал мистер Триллер и добавил:

— Весь ужас состоит в том, что, пока мы не раскроем тайну злобного фазана, мы не найдем здесь красок, которые нам нужны, чтобы придумывать страшные...

— ...загадочные...

— ... и приключенческие истории. А без них на земле будет очень скучно.

— И мы ждём, чтобы какой-нибудь писатель разгадал для нас эту загадку, — доверительно признался сеньор Дэтэктиво.

Митя покосился на плакат и неуверенно сказал:

— Вообще-то я ещё не писатель, но, кажется, знаю ответ.

— Не может быть! — охотники возбуждённо повскакивали со своих мест и напряжённо уставились на Митю, а великий знаток продолжал:

— Месье Авантюру надо взять «Каждый Охотник Желает Знать», сеньору Дэтэктиво — «Где Сидит», а мистеру Триллеру остаётся «Фазан».

Не успел он это произнести, как магазинчик преобразился, будто по волшебству. Куда делись пыль и паутина?! Теперь весь он так и сиял. Оказалось, что в оконные рамы были вставлены не простые стёкла, а витражи. Солнечные лучи проходили через цветные стёклышки и превращались в краски. Перед каждым охотником появились те цвета, которые он хотел. Охотник до приключений получил яркие, охотник до загадок — загадочные, а охотник до страшных историй — тёмные краски.

— Но как ты догадался? — хором спросили охотники, не веря своим глазам.

— Я не сам. Меня папа научил. Вот он — настоящий писатель. За словами на плакате прячутся цвета радуги, чтобы их было легче запомнить: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый, — скромно объяснил Митя.

Авантюр дружелюбно похлопал его по плечу и сказал:

— Сдаётся мне, что, зная этот секрет, да ещё после всех твоих приключений, ты тоже станешь писателем.

— Страшно хорошим! — поддакнул Триллер.

— Без вопросов! — кивнул Дэтэктиво.

— Мне бы этого хотелось, но пока что нужно отнести немного волшебных красок в подарок папе, — сказал Митя, и перед ним на прилавке появилась небольшая коробочка.

Митя открыл её и, к своему удивлению, увидел, что в ней лежат вовсе не краски.

Глава 23

НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО НЕТ

Митя недоумённо вертел в руках коробочку, в которой лежали обычные разноцветные стёклышки: зелёный осколок бутылки и кусочек жёлтого плексигласа, красное стёклышко от разбитого фонаря для проявки фотографий и синее — от солнечных очков... В общем там был целый набор кусочков разноцветного стекла.

Митя не знал, радоваться ему или огорчаться.

— Я-то думал, что тут специальные волшебные краски, — разочарованно протянул он.

— А по-моему, цветные стёклышки тоже неплохая штука, — успокоил его Авося.

— Но они вряд ли помогут рукописи заиграть, — возразил Митя.

И тут друзья заметили, что остались в лавке одни. Пока они рассматривали стёклышки, Дэтэктиво, Триллер и Авантюр удалились сочинять свои истории.

«Им-то хорошо. У них теперь для этого есть волшебные краски», — подумал Митя и ещё

больше расстроился, что упустил такую возможность помочь папе. Впрочем, охотники не могли уйти далеко и их наверняка ещё можно было догнать. Митя, Авося и Мефодий выскочили из магазинчика и застыли в изумлении.

Ярмарка исчезла, будто её и не было. Перед друзьями высился знакомый замок, построенный из кубиков «лего». Только на этот раз дорожка под ногами была усыпана унылой, серой галькой, а не разноцветными леденцами. На указателе возле дорожки значилось: «Обратно».

— Ну вот мы и пришли, — грустно вздохнул Авося.

Впрочем, Митя и сам понял, что путешествие окончилось, и от этого настроение у него испортилось ещё больше.

Погода тоже в одночасье изменилась. Ещё недавно в Игрландии ярко светило солнце, а теперь было так же пасмурно, как в обычном мире. Дождь не моросил, но небо хмурилось. Сизые тучи, надув дряблые щёки, висели над самыми шпилями башен. Даже яркие кубики «лего» будто поблекли.

— Время кончилось, а мы так и не нашли подарка для папы.

Митя едва не заплакал от досады.

— Как раз наоборот. Время подошло к концу, потому что ты нашёл этот подарок, — возразил Авося.

— Ты что, смеёшься? Это ведь обыкновенные стекляшки, — в сердцах сказал Митя.

— Всё зависит от того, как на них смотреть, — Авося достал из коробочки жёлтое стёклышко и протянул его Мите. — Взгляни через него.

Митя поднёс стёклышко к глазам, и вдруг свершилось чудо. День из пасмурного тотчас превратился в солнечный.

— Ой, кажется, что светит солнце! — изумлённо воскликнул Митя, но стоило ему убрать стёклышко, как небо снова затянули тучи.

— А через красное стёклышко наступает закат, — сказал Авося.

— А через синее — сумерки, — удивился Митя.

Они наперебой передавали друг другу стёклышки, и погода становилась то хорошей, то пасмурной, то всё было голубым, как зимой, то зелёным, как в разгар лета, то фиолетовым, как ночью, то розовым, как на восходе.

— Это превращательные стёклышки. Теперь я понял, что значит увидеть всё в другом свете, — улыбнулся Митя.

А Мефодий напомнил:

— Я ведь говорил, что каждый видит в жизни то, что хочет.

Мите вдруг захотелось вернуться домой и подарить папе волшебные стёклышки.

— Жалко только, что мы так и не побывали в замке, — вздохнул он и тут увидел, что подъёмный мост перекинут через ров и над воротами висит большой плакат:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

— Вот это да! Значит, мы ещё сможем туда зайти?

У Мити загорелись глаза, но радость оказалась преждевременной. Перейдя через мост, друзья увидели, что замок ненастоящий. Вернее, он был построен вовсе не из «лего», а из картона. У Мити дома был такой же, только маленький. Они его склеивали вместе с мамой. Хотя этот замок был преогромным, войти в него было нельзя, потому что и ворота, и окошки в нём были нарисованы.

— А я-то думал, он настоящий, — огорчился Митя и вдруг заметил, что к нарисованной калитке приделана настоящая дверная ручка в виде львиной морды с кольцом в зубах.

— Да это наш старый знакомый! — воскликнул Мефодий.

Митя тоже узнал льва. В точности такой был на двери, через которую они попали в Игрландию.

— Пора бы и честь жнать. Я вас тут уже жаждался, — не слишком дружелюбно буркнул дверной лев.

И Митя вдруг понял, что за нарисованной калиткой лежит обычный мир. Папа выбирает замок или, скорее всего, уже ищет его по магазину, а мама ждёт в машине.

— Вам пора идти, — печально сказал Авося.

— А давай ты пойдёшь вместе с нами, — предложил Митя.

— Нет, за эту дверцу вы шагнёте без меня. И не забудь бросить в замочную скважину монетку, — напомнил магистр чародея.

Митя с ужасом вспомнил, что после возвращения домой у него останется лишь одна копейка. Значит, он больше никогда не сможет вернуться в волшебную страну. Ему стало так грустно, что на глаза навернулись слёзы.

— Мы расстаёмся навсегда? — тихо спросил Митя, заранее зная ответ на этот вопрос.

— Но ведь у тебя останется ещё одна копейка, — подсказал Авося.

— Верно. Нельзя упускать такую возможность, — поддакнул Мефодий.

— Ещё бы! Ведь в Фант-Азии ещё столько неизведанных стран, — подхватил Авося.

— Каких? — живо заинтересовался Митя.

— Мало ли. Искания, например, или Леталия. А ещё Вранция — очень забавное местечко.

Всё это звучало очень заманчиво. Пока Авося перечислял страны, Митя всё больше загорался желанием предпринять ещё одно путешествие по здешним местам, но спохватился, что из этого ничего не выйдет.

— А как я потом вернусь домой? — угрюмо покачал он головой.

— Как, как. Ты же у нас изобретатель. Сделай какое-нибудь научное открытие, которое поможет тебе вернуться без волшебной монетки, — сказал Авося таким тоном, будто это было легче лёгкого.

— Ты думаешь, это возможно?

— Сколько раз тебе твердить, я никогда не думаю. Но неужели ты после всего, что было, так

и не понял, что НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО НЕТ!

Это была самая лучшая мысль из всех, которые Митя когда-либо слышал. Он твёрдо решил никогда в жизни о ней не забывать и пообещал:

— Я обязательно что-нибудь изобрету.

Он взял на руки Мефодия, бросил в замочную скважину монетку, открыл нарисованную дверцу и...

Глава 24

СНОВА ДОМА

Митя с Мефодием оказались в магазине. Папа уже купил замок и оглядывался, ища глазами Митю. Увидев сына, папа взял его за руку и сказал:

— Вот ты где. Пойдём, а то мама нас заждалась.

Митя вздохнул с облегчением. В глубине души он немножко волновался, что папа спохватится о нём раньше времени, но опасения оказались напрасными. К счастью, папа даже не заметил его отсутствия. Они вышли на улицу и поспешили к машине. Дождь прекратился, но небо было по-прежнему затянуто тучами.

«Точь-в-точь, как сейчас в Игрландии», — подумал Митя, забираясь на своё место на заднем сиденье.

— Папа, это тебе, — объявил он, протягивая коробочку с цветными стёклышками.

— Что это?

— Подарок из Игрландии. Пока ты покупал замок, мы с Мефодием там искали секрет, чтобы твоя рукопись заиграла.

Папа открыл коробочку и подозрительно спросил:

— Где это ты набрал столько битого стекла?

— Говорю же тебе, в Игрландии. Это волшебные стёклышки. Они помогут тебе увидеть всё в другом свете. Вот посмотри.

Митя стал объяснять папе, как из пасмурного дня сделать солнечный, а из сумерек — восход.

— Да-да, очень красиво, — рассеянно сказал папа, как обычно говорят взрослые, когда хотят, чтобы от них отстали, а мама покачала головой:

— По-моему, стёкла не игрушки. Ещё порежешься.

— Конечно, не игрушка! Как вы не понимаете, каждый видит в жизни то, что хочет! — воскликнул Митя.

Папа с интересом посмотрел на сына.

— А ты у нас, оказывается, философ.

— Не я, а Мефодий. Ну скажи, — Митя потерял львёнка, но тот, как и следовало ожидать, упрямо молчал.

Папа завёл мотор, и машина отъехала от магазина.

— Фантазёр первейший, вот ты кто, — улыбнулась мама.

— Поэтому я и получил волшебную монету, которая может перенести меня в Фант-Азию, — подтвердил Митя и вдруг вспомнил про последнюю копейку. Он совсем забыл про неё, и она осталась в магазине!

Митю прошиб холодный пот. Теперь он никогда не сможет больше попасть в волшебную страну и не узнает, что такое Вранция, все ли в Леталии летают и что ищут в Искании.

— Папа, остановись! Мне надо вернуться! Я забыл в магазине копейку! — крикнул Митя.

— Какую ещё копейку? — спросил папа.

— Волшебную.

— Митя, прекрати. В конце концов, это уже не смешно, — покачала головой мама, а папа даже не подумал остановить машину.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста! — навзрыд заплакал Митя.

Папа плавно притормозил.

— Что это за истерика? Ты ведь уже большой.

— Вы не верите в чудеса, потому что не хотите, чтобы они были. А они есть! Даже если все на свете в них перестанут верить, всё равно я знаю, что они существуют! — задыхаясь от слёз, выкрикнул Митя и умоляюще добавил: — Пожалуйста, давайте вернёмся.

Папа с мамой переглянулись. Никто не произнёс ни слова, но папа развернул машину, и они снова поехали к магазину. Там Митя бросился к знакомой двери. Они с папой обшарили всё кругом, но монетки нигде не было.

Митя решительно дёрнул за дверную ручку, но по ту сторону двери оказался тускло освещённый коридор со стенами, выкрашенными мрачной, грязно-зелёной краской.

— Туда нельзя. Вы что-то ищете? — раздался за спиной голос продавца.

— Сын потерял монету. Старинную. Он коллекцию собирает, — оправдывался папа, сердясь на Митю за то, что поддался на его уговоры.

Всю дорогу до дачи они молчали. Впервые в жизни Митя чувствовал себя по-настоящему несчастным, а в голове свербила одна-единственная назойливая мысль: «Всё кончено!»

Приехав на дачу, Митя забился в укромный уголок, чтобы в уединении предаться своему горю. Скоро его обнаружил папа. Он сел рядом с Митей, протянул ему коробочку с разноцветными стёклышками и сказал:

— Давай посмотрим на всё в другом свете.

— Не хочу, — угрюмо отказался Митя.

— Но ты ведь сам меня учил, — настаивал папа.

— Что толку. Тебе ведь эти стекляшки ни чуточки не помогли.

— Это не стекляшки, а волшебные стёклышки.

По папиному голосу Митя не мог понять, шутит он или говорит серьёзно.

— Смеёшься? — насупился Митя.

— Нисколько, ведь ты помог мне понять, как заставить рукопись заиграть.

Митя раскрыл от удивления рот. Чего-чего, а этого он никак не ожидал: ведь он сам толком не знал, как это сделать, несмотря на то, что побывал в Игрландии.

— Правда? — недоверчиво переспросил он.

— Разве я тебя когда-нибудь обманывал? Я думаю, что следующую книгу мы напишем вместе.

— Как это? — не понял Митя.

— Ты будешь рассказывать о своих приключениях, а я писать. А назовём её... — папа на мгновение задумался, а потом решительно произнёс: — «Маг на два часа».

Теперь, когда Мите нужно было помогать папе писать книгу, мир уже не казался ему таким мрачным. Но перед сном он опять вспомнил, что больше никогда не попадёт в волшебную страну, не поговорит с Мефодием и не увидится с Авосей. Ему стало грустно. Усадив львёнка рядом с собой, он достал коробочку с цветными стёклышками и стал по очереди смотреть через них, вспоминая Авосю, и вдруг...

Митя увидел копейку. Да-да. На дне коробочки лежала потёртая, вышедшая из употребления копейка. Митя схватил монетку и долго разглядывал её, чтобы убедиться, что она ему не померещилась.

— Но ведь это невозможно, — прошептал он.

И тут же ему показалось, что он слышит голос магистра чародея: «НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО НЕТ!»